

Алиса Бодлер, Александрия Рихтер, Юлия Кот, Анна Сешт,
Олег Крамер, Герман и Тамара Рыльские, Валерия Шаталова,
Дарья Урбанская, Екатерина Каретникова, Юлия Фим,
Светлана Волкова, Мария Дубинина, Сора Наумова, Хельга Воджик

УЮТНЫЕ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ, ЧУДЕСАХ И ПРИЗРАКАХ

NoSugar. Романтика

Екатерина Каретникова

**И пришла зима. Уютные истории
о любви, чудесах и призраках**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

Каретникова Е. А.

И пришла зима. Уютные истории о любви, чудесах и призраках /
Е. А. Каретникова — «Издательство АСТ», 2024 — (NoSugar.
Романтика)

ISBN 978-5-17-180288-2

Зима — самое волшебное время в году. Город окутывает мягкое снежное одеяло, улицы и деревья сияют гирляндами, а из кофеен доносится аромат какао с маршмеллоу. В ожидании чудес наши сердца открыты для новых чувств, впечатлений и людей. Так и сердца наших героев открыты всему новому. Их ждут удивительные приключения и встречи, которые перевернут знакомый им мир с ног на голову, столкнут с мистическим и волшебным, и, конечно же, принесут любовь, которая согреет не хуже штоллена и кружки глинтвейна. Время чудес уже близко!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)бя43

ISBN 978-5-17-180288-2

© Каретникова Е. А., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Самая холодная ночь за сто лет. А. Рихтер	6
1	6
2	11
3	14
4	20
Пара на праздники. Юлия Кот	23
Капля древнего волшебства. Анна Сешт, Олег Крамер	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Александрия Рихтер, Алиса Бодлер,
Анна Сешт, Валерия Шаталова, Герман
Рыльский, Дарья Урбанская, Екатерина
Каретникова, Мария Дубинина, Олег
Крамер, Светлана Васильевна Волкова,
Сора Наумова, Тамара Рыльская,
Хельга Воджик, Юлия Кот, Юлия Фим
И пришла зима. Уютные истории
о любви, чудесах и призраках**

© Бодлер А., текст, 2024, © Рихтер А., текст, 2024, © Кот Ю., текст, 2024

© Сешт А., текст, 2024, © Рыльский Г.В.; Рыльская Т.П., текст, 2024

© Шаталова В., текст, 2024, © Урбанская Д., текст, 2024

© Каретникова Е., текст, 2024, © Фим Ю., текст, 2024

© Волкова С., текст, 2024, © Дубинина М.А., текст, 2024

© Наумова С., текст, 2024, © Воджик Х., текст, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Самая холодная ночь за сто лет. А. Рихтер

1

*Winter kommt! Winter kommt!
Flocken fallen nieder!*

Самолет взлетел, и уши, как обычно, заложило. Анна смотрела в иллюминаштор: земля, нарезанная полосками, быстро исчезала за плотными облаками. Наконец-то она сможет вздохнуть спокойно. Ну, или почти. Почувствовать себя в безопасности у нее получится лишь тогда, когда ее ноги вновь коснутся земли. Самолет качнуло, и она вздрогнула. Неужели турбулентность?.. Уже?

В кресле рядом с ней сидел показавшийся ей немного странным мужчина в годах. На нем был твидовый костюм винного цвета и совсем не подходящий, даже несколько вульгарный галстук желтый, с мелкими коричневыми оленями. «Настоящее преступление перед модой», – подумала Анна. Впрочем, чужой стиль или его отсутствие не должны были ее волновать.

– Могу я предложить вам воды? Или, может быть, сока? – спросила стюардесса в черном строгом костюме с оранжевым платочком на шее.

С оранжевым?.. Разве они всегда были такого цвета? Или дело в том, что Анна давно не летала этой авиакомпанией?

– Прошу прощения... – снова обратилась к ней стюардесса.

Анна, будто очнувшись, пробормотала:

– Воду, пожалуйста. И как можно холоднее.

Стюардесса отошла, и мужчина, подмигнув, обратился к Анне с вопросом:

– Не боитесь замерзнуть? Говорят, новогодняя ночь в Бонне будет самой холодной за последние сто лет. Я бы не рискнул пить что-то ниже 45 градусов.

Если Анна что и ненавидела больше, чем летать на самолетах, так это внезапно заговаривавших с ней незнакомцев.

– Я рискну, – коротко ответила она, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

– Ого! Смотрю, вы настроены решительно, – заметил мужчина и, отстегнув ремень безопасности, повернулся к ней.

Анна подняла взгляд – широкое лицо незнакомца было в крупных морщинах, мелких пигментных пятнах и веснушках. Нос картошкой, а глаза... В глазах светилась доброта. Его улыбка была по-детски беззаботной. Анна почувствовала неловкость за свой резкий ответ.

– Вы в Бонн по работе? Или родных решили навестить? – продолжил сосед, явно настроившись поболтать.

И Анна тут же вновь рассердилась. «Вам-то что за дело», – хотела огрызнуться она, но сдержалась и лишь сухо сказала:

– У меня в Бонне дела.

Ну, теперь-то он уж должен понять, что светской беседы не выйдет. Однако добродушный господин намек не понял. Или сделал вид, что не понял.

– Канун Нового года – идеальное время для небольшого путешествия, не правда ли? Я вот не очень люблю покидать родной дом, но раз в году...

¹ Зима пришла! Зима пришла! / Кружатся снежинки. Здесь и далее перевод с немецкого И. Офицеровой.

Его слова журчали бесконечным потоком. Время от времени слух Анны выхватывал из него отдельные слова: «снег», «елка», «игрушки»...

Самолет опять качнуло, и Анна вздрогнула.

– ...столько счастья, столько улыбок! – продолжал мужчина, словно не замечая полного отсутствия реакции с ее стороны. – А как-то я отвлекся, и едва не перевернулся вместе со всеми подарками. Чуть все кости не переломал, представляете?

Анна зачем-то кивнула.

– Ну и ну. А вот я никогда ничего себе не ломала.

Хотя это было неправдой. Еще в школе, несколько раз, играя в волейбол и неудачно отбив мяч, она ломала пальцы рук. Но она надеялась, что надоедливый сосед хотя бы с третьего раза поймет, что у нее нет ни малейшего желания поддерживать беседу.

– Извините, – подняла Анна руку, увидев проходившую мимо стюардессу. – Я просила воды.

– Да-да, сейчас, – улыбнулась та и поправила платок на шее. – Может быть, хотите вегетарианский сэндвич с рукколой и солеными огурцами?

– Просто принесите воды.

Анна потеряла переносицу. Сколько еще до конца полета? Пятнадцать минут? Полчаса?

– О, я ведь не представился! – Мужчина вдруг протянул ей руку. – Я Отто. Отто Майер.

– Очень приятно, герр Отто... – она слабо пожала его руку. – Меня зовут Анна.

– А я вас узнал! – весело заметил он. – Сначала думал, что обознался, но теперь пригляделся и понял – это же вы!

Оттянув галстук, будто тот начал его душить, он негромко пропел:

– «Вид твой распугал всех ко-о-оз, ах, проклятый варикоз... Покупай скорей наш гель – будет...»

– Да-да, – Анна сердито посмотрела на него, мечтая, чтобы он замолчал. – Это я. Девушка из рекламы геля от варикоза. Прошу вас, тише!

Отто поднял руки в примирительном жесте:

– Понимаю! Фанаты...

Анне стоило больших усилий не закатить глаза.

– Спасибо за понимание, – проговорила она.

Стюардесса наконец принесла воды, Анна сделала несколько больших глотков и отвернулась к иллюминатору. Лучше весь полет трястись от ужаса, чем слушать давно осточертевший ей рекламный джингл в исполнении соседа.

Средство против варикоза... Анна ненавидела его даже больше, чем перелеты и случайные разговоры.

Одно необдуманное решение, и вот уже все вокруг при виде тебя начинают напевать эти проклятые строчки. Она вздохнула. Ей было двадцать лет, и она мечтала работать на телевидении. Кто знал, что все так обернется? Ролик с ее участием вошел в топ-10 самых надоедливых реклам года по версии местной газеты, а в интернете можно найти больше ста пародий. Ее останавливали на улице, с ней фотографировались, даже фотожабы делали! Вот только никто не знал, насколько все это отравляло ее жизнь. Никто не знал, что ей приходилось выслушивать от телепродюсеров и кастинг-директоров... Никто не знал, что она чувствовала, когда вместо серьезной работы ей предлагали сниматься в рекламе сомнительных товаров или приглашали на третьеразрядное шоу талантов...

– Грязный пиар – тоже пиар, – сказал ей как-то Франц, друг детства.

Раньше они были неразлучны, но последние семь лет лишь изредка созванивались. – Они еще пожалеют, что не давали тебе нормальную работу. Но однажды ты станешь самой популярной ведущей Das Erste² и твой телефон будет разрываться от звонков!

Анна не спорила – он ведь так старался ее подбодрить. Но все понимали, что ее карьера безнадежно испорчена. Анна из кожи вон лезла, чтобы смыть с себя это пятно варикозного позора. Но ей уже двадцать семь, и последние пять лет она продает двери. Ах, простите, – не просто двери, а «двери высшего качества по приятным ценам». Дуб, орех, экзотические породы. Доставка, установка, гарантия.

– Боитесь летать? – голос Отто раздался над ее ухом, словно протрубили в горн.

– Что? Почему вы так решили?.. – рассеянно спросила Анна.

– Вы так стиснули этот бедный стаканчик... У вас что, с ним личные счета?

Это была просто дурацкая болтовня. Но Анну она почему-то развеселила.

– Да. Он из пластика, а я этого не одобряю.

Отто посмотрел на нее так, что ей стало не по себе. Ей вдруг показалось, что она испортила ему настроение. А еще – что ему все о ней известно: о неудачах на работе; о помолвке, расторгнутой за две недели до свадьбы; даже о «сникерсе», который она надкусила в зале ожидания и бросила в сумку, и теперь подкладка вся в шоколаде и липкой карамели...

– Какие у вас планы на Новый Год? – спросил Отто с прежним добродушием, и наваждение рассеялось.

– Планы?.. – вздохнула Анна.

Не было у нее никаких планов. Только глупая идея, пробудившая ностальгию и заставившая отправиться в путь.

Когда она сказала маме, что хочет съездить в старый дом бабушки Милдред, та несколько минут молчала. Анна даже подумала, что их разъединили.

– Детка... – начала мама, – может лучше приедешь к нам? Я куплю в лавке у Ганса твои любимые берлинеры³, посмотрим «Ужин на одного»⁴. Мы давно не собирались вместе.

– Нет, мам, не хочу, чтобы вы меняли планы из-за меня. Я же знаю, вы уже договорились встретиться с друзьями.

– Ну и что? На Рождество ты не смогла приехать из-за работы, так может, хоть на Новый год? Мы все отменим!

– Даже не думай! – строго проговорила Анна. – Я заеду в бабушкин дом, а потом сразу в отель. Встречу Новый год и полечу обратно.

– Ты уверена? – в мамином голосе еще звучали сомнения. – Точно не хочешь к нам? А что Маттэо об этом думает?

Анна ответила только на первый вопрос.

– Точно, мам.

– Давай я хоть Францу позвоню, думаю, он с радостью составит тебе компанию. Вы же так любили этот дом. Как вспомню...

– Ни в коем случае! – перебила ее Анна. – У него полно дел. В последний раз, когда мы с ним говорили, он жаловался, что даже позавтракать не всегда успевает, а ты хочешь, чтобы он тащился на другой конец страны!

– Берлин не так уж и далеко, – вздохнула мама. – Но как скажешь. Если вдруг передумаешь, напиши. Люблю тебя.

– И я тебя, – сказала Анна и убрала телефон в карман.

² Das Erste – немецкий телеканал.

³ Берлинер – обжаренный в масле пончик из сладкого дрожжевого теста с начинкой из клубничного, сливового конфитюра или крема. Популярный десерт в Германии, особенно на Новый год.

⁴ «Ужин на одного» (*Der 90. Geburtstag oder Dinner for One*) – короткометражная комедия, которую в Германии показывают в канун Нового года.

* * *

– Анна? – Отто вопросительно смотрел на нее. – Вам не хочется об этом говорить? Я лезу не в свое дело?

Она хотела ответить что-нибудь уклончивое, но слова застряли в горле. Отто вдруг потянулся к ней, накрыл большой горячей ладонью ее замерзшую руку и по-отечески улыбнулся. Все ее чувства вдруг обострились... Перед глазами возник камин с тлеющими в нем углями, она чувствовала запах еловых веток, ощущала на губах вкус лимонада, который им с Францем разрешали пить только по праздникам. Она удивленно уставилась на соседа и как только открыла рот, слова полились сами.

– Когда я была маленькой, мы часто встречали Новый Год у моей бабушки. Гостей было столько, что я даже сосчитать их не могла. Кажется, взрослые соревновались, сколько друзей поместится в доме. Это было самое лучшее время в моей жизни.

– Почему? – спросил Отто, не убирая руки.

– Мне никогда не бывало там скучно. Я играла или помогала дедушке Бернару готовить имбирное печенье. Мне так нравилось наряжать елку!.. И там... Понимаете, там я никогда не чувствовала себя одиноко, – улыбнулась она. – Мы веселились, гадали на расплавленном олове, а как-то Франц привез мне леденцы Berlingot, которые тетушка Уна купила для него в Париже. Мы поспорили, кто сгрызет больше конфет. У меня откололся кусочек переднего зуба, а Францу стало плохо, и теперь у него аллергия на сладкое...

– Вам, наверное, здрово досталось... – заметил Отто.

– Нет, бабушка кого угодно могла успокоить, – Из ее глаз вдруг полились слезы, но она этого не заметила. – Даже мою маму, которая любую мелочь может раздуть до масштабов всемирной катастрофы.

Он замолчала, слова комом встали в горле.

– Ее больше нет, да? Вашей бабушки? Вы летите не к ней?

Анна закрыла глаза.

– Да, – с трудом проговорила она. – Бабушка умерла десять лет назад, когда мне только исполнилось семнадцать. Ее долгое время мучил кашель, но она все откладывала поход к врачу. А потом уже было слишком поздно...

Она прерывисто вздохнула.

– Дом так и не продали. У мамы хватило сил только на то, чтобы сложить вещи в коробки. Раз в год, конечно, папа заводит разговор о том, что земля стоит дорого, и мы могли бы неплохо заработать, если бы наконец разобрались с документами. Но мама не хочет продавать этот дом. Думаете, это глупо?

– Не возьмусь судить о поступках вашей матери, – сказал Отто, а затем добавил: – Но почему бы вам самой не поселиться в этом доме? Судя по всему, вы его любили.

Анна помрачнела и отстранилась. Странные ощущения покинули ее. Она похолодела: с чего это она вдруг так разболталась с незнакомцем?

– Я не могу, – ответила она и, коротко извинившись, отвернулась.

Остаток полета Анна ругала себя за излишнюю откровенность. «И кто только тянул тебя за язык? – упрекала она себя. – Еще рассказала бы, где документы лежат. А заодно и пин-код от банковской карты назвала».

Анна даже не заметила, как самолет приземлился. Все ее мысли вертелись вокруг предстоящей поездки по заснеженной дороге. Ей хотелось выйти одной из первых, поэтому она отстегнула ремень и протиснулась мимо Отто в проход, забитый людьми.

– Анна! – окликнул ее сосед.

Она оглянулась. Отто все еще сидел в кресле, будто вообще не собирался вставать.

– Вы все делаете правильно. Милдред будет счастлива, что вы наконец-то собрались ее навестить!

Глаза Анны широко распахнулись, она остановилась, но кто-то нетерпеливо подтолкнул ее к выходу.

«Я ведь не говорила, как зовут бабушку...» – пронеслось у нее в голове, но спешившие к выходу пассажиры увлекли ее за собой.

«Дождусь его у трапа, – подумала Анна. – Что за фокусы?!»

На улице было холодно. Анна спрятала нос в воротник пальто.

«А что, если это какой-нибудь престарелый фанат? И теперь будет преследовать меня? Что еще ему известно, кроме бабушкиного имени? Адрес родителей?.. Ой, мамочки!.. Тогда нужно бежать без оглядки, а не топтаться тут, поджидая его».

И она нырнула в автобус, который должен был отвезти ее в здание аэропорта.

2

*Es ist kalt. Es ist kalt.
Weiss ist alles wieder⁵.*

Анна уже несколько минут сжимала в руке ключи, но все не решалась подойти к двери. Дом бабушки Милдред совсем не изменился с тех пор, как она была тут в последний раз. Все выглядело так же, как и девять лет назад.

Конечно, стоило приглядеться, – и можно было заметить признаки того, что дом долго простоял заброшенным. Об этом свидетельствовала и потускневшая, потрескавшаяся краска на зеленой входной двери; и окна, которые раньше с такой любовью украшали гирляндами. Теперь стекла помутнели, лестница, ведущая на крыльцо, покосилась и почти утонула в сугробах, с крыши свисала бахрома сосулек.

– Ну, здравствуй, пряничный домик, – прошептала Анна. Так она называла его в детстве. – Давно не виделись.

Внезапно налетел порыв ветра, она приняла это за добрый знак и шагнула вперед.

* * *

Внутри пахло сыростью и чем-то прокисшим. Анна щелкнула выключателем, но свет не зажегся. «Хорошо, что я приехала пораньше, – подумала она. – Через час тут совсем стемнеет».

В доме было прохладно, поэтому снимать пальто она не стала.

Полумрак добавлял всему загадочности, чехлы на мебели нагоняли тоску.

– Как же это все... – произнесла Анна и остановилась, подбирая слово. – Неправильно...

Где мигающие гирлянды? Где ель с большими стеклянными шарами и разноцветной мишурой? Она бы все на свете отдала, чтобы снова почувствовать запах дымящегося раклета⁶, который дедушка готовил к их приезду.

Анна прикоснулась к темному чехлу, которым был накрыт диван. Ей вдруг захотелось узнать – выцвела ли ярко-оранжевая обивка или осталась прежней? Ухватившись за край чехла, она сдернула его на пол. В воздух поднялся столб пыли, а обивка... все же выцвела.

Усевшись на диван, Анна достала телефон, чтобы посмотреть, сколько времени. 16.01. «Может, все-таки позвонить Францу? Но зачем?.. Он наверняка готовится отмечать Новый Год с друзьями. Нет, ни к чему это», – решила она.

Перед ней громоздились картонные коробки. Некоторые были так набиты вещами, что, казалось, стоит до них дотронуться, как они лопнут. Анна подтащила одну поближе, открыла. Первым, что попало ей на глаза, оказалась пожелтевшая от времени открытка с милой картинкой: двое ребятшек в зеленых курточках и смешных шапках с помпонами лепят огромного снеговика. Девочка старательно прилаживает вместо глаз черные пуговицы, мальчик протягивает ей морковку – сделай ему нос! Поверх смешных нарисованных рожниц неровно наклеены их с Францем лица. Анна вспомнила, как они вырезали их из фотографии, которую стащили из семейного фотоальбома Франца. И выражение лица его мамы, когда она увидела, что общий снимок испорчен.

⁵ Опять морозная пора / и белые тропинки.

⁶ Раклет – швейцарское национальное блюдо. Как и фондю, готовится из расплавленного жирного сыра.

«Любимой Милдред – от Франца, будущего профессионального футболиста, и Анны, которая станет ведущей новостей!» – перевернув открытку, прочитала Анна.

На ее лице появилась глупая улыбка. Она вновь заглянула в коробку, представляя, что перед ней сундук с сокровищами. Чего там только не было! Даже фантики от ее любимых конфет, старые деревянные игрушки, тетради, письма, открытки. Много открыток... Анна осторожно и с любовью перебирала вещи. Вынула фотографию в рамке, стерла пыль со стекла. Фигура отца на переднем плане была размазана – установив на комод фотоаппарат с автоспуском, он метнулся обратно, чтобы успеть присоединиться к остальным, но не успел, и на фотографии вместо него появилось размытое пятно, над которым четко проступала корона. Мама, уже сообразившая, что ежегодный снимок для семейного альбома безнадежно испорчен, взмахнула руками. Оленьи рога на ее голове съехали на бок. Ее лучшая подруга – Лаура, мама Франца – державшая в руке красную свечу, смотрела в объектив и улыбалась так, будто снималась в рекламе зубной пасты. Ее муж Йохан хохотал, держась за живот. Анна стояла впереди и кривлялась, Франц у нее за спиной показывал рожки.

Снимок никому не понравился, а бабушка его сохранила и даже поместила в рамку.

Анна бросила фотографию обратно в коробку, хлопнула по дивану ладонью.

«Не стоило сюда приезжать, – подумала она. – Глупая, глупая! С чего я решила, что это какой-то знак? Кто вообще верит в знаки, когда тебе почти тридцать?»

Проверяя почту в свой последний день в мюнхенской квартире, она заметила ярко-синий буклет, на котором причудливыми буквами было написано: «Возвращайся туда, где тебе всегда хорошо». Анна так и не поняла, что это была за реклама, но слова засели в ее голове. И путешествие в Бонн показалось ей хорошей идеей. Что ей было терять? С работы, которой она посвятила несколько лет жизни, ее уволили, заменив кем-то молодым и квалифицированным. «Очень жаль, но у тебя самые низкие показатели продаж, – с поддельным сочувствием сказал директор их интернет-магазина. – Нам нужен тот, кто будет повышать наши доходы. И любить двери.»

«Пошел ты к черту!» – подумала Анна, но вслух сказала:

– Приятно было вместе работать...

А сразу после этого она узнала, что Маттэо, с которым они были вместе еще с университета и собирались вот-вот пожениться, изменяет ей.

В тот день она рано возвращалась домой. Мысли о работе не давали ей покоя, она несколько раз набирала номер Маттэо, но тот не отвечал. А подойдя к дому, Анна вдруг увидела его в обнимку с длинноногой брюнеткой. Сначала она решила, что ей показалось, но потом он повернулся, чтобы поцеловать незнакомку, и земля ушла у нее из-под ног. Она замерла, не зная, что делать дальше.

Уже был выбран день свадьбы – в январе, уже куплено платье... Она разорвала помолвку и, хотя Маттэо клялся ей в любви и умолял остаться, в тот же день ушла от него.

Забравшись с ногами на диван, Анна обхватила колени руками, уткнулась в них лицом. Ей не хватило ни сил, ни смелости рассказать обо всем маме и Францу. Зато хватило, чтобы отправиться в Бонн по велению какой-то бумажки.

«Перестань себя жалеть! – пронеслось у нее в голове. – От этого твои проблемы никуда не денутся».

Она вновь взглянула на коробку, потянулась за каким-то конвертом. Вытряхнула из него листок и узнала свой кривой детский почерк. Это было ее письмо Вайнахтсману, немецкому Санта-Клаусу. Бабушка Милли обещала отдать письмо ему в руки.

В письме Анна рассказывала, что целый год примерно вела себя и хорошо училась, поэтому кто, как не она, заслуживает получить огромный мешок конфет. И она больше не картавит, как доктор Херц и обещал в прошлом году. Так что теперь она сможет стать ведущей новостей или какого-нибудь развлекательного шоу. А еще она слишком коротко подстриглась,

и теперь ее светлые волосы завиваются и она похожа на барашка, поэтому хорошо бы, чтобы они поскорее отрасли обратно. И, конечно же, просила таксу, хотя Франц назвал эту породу «коротколапым недоразумением».

Анна отложила письмо. Нет, все-таки не стоило сюда приезжать.

«Никакой это был не знак, – подумала она, вставая с дивана. – Я надеялась, что полегчает, когда окажусь в любимом месте, но стало только хуже».

Оглядев напоследок гостиную, она поняла, что больше никогда сюда не вернется. С этими мыслями Анна потянула ручку входной двери, но дверь не открылась. Она дернула посильнее, но дверь, кажется, заклинило. Она уперлась ногами в пол и потянула двумя руками, но и это не помогло.

Анна взяла телефон, и увидела, что связи нет. Она оказалась в ловушке.

3

*Falle, falle, weisser Schnee, kalter Schnee, kalter Schnee!*⁷

Анна бросилась к окну в гостиной, но старые ручки заледенели, и, как она ни билась, повернуть их не смогла. Она снова, в десятый уже раз достала телефон, но связи все еще не было.

– Черт, черт! – выругалась она. – Да как так-то?

Вспомнив, что на кухне тоже есть окна, она быстрым шагом направилась туда. Но не успела толкнуть дверь, как услышала странные шаркающие звуки. Она подумала, что так, наверное, топали бы мыши, если бы носили крохотные ботиночки.

Глупости! Кто еще тут может быть, кроме нее? «Маньяк, скрывающийся от полиции», – услужливо подсказал внутренний голос. «Вор, наконец польстившийся на бабушкино столовое серебро. Или еще хуже – Отто, который проследил за ней от аэропорта и теперь... теперь...»

– Анна, милая, заходи! – раздался с кухни громкий голос. – Я же знаю, что ты здесь.

Она вздрогнула от неожиданности и вскрикнула. Дверь распахнулась, ее окутал аромат специй и лимона, в глаза ударил яркий свет.

– Что случилось, снежинка? – ласково спросил старик в черном фраке и белой накрахмаленной рубашке. – Тебя кто-то напугал? Заходи скорее, рыба почти готова.

Анна не поверила своим глазам. Ее первым желанием было броситься прочь, но она как зачарованная смотрела на старика.

– Дедушка Бернар?

Этого было не объяснить ни логикой, ни здравым смыслом. Перед ней стоял ее любимый дедушка Берни! Невысокий, с редкими седыми волосами, с лукавой улыбкой, по которой она так скучала, он ласково смотрел на нее. Подойдя к ней, он взял ее за руку и похлопал по ней, как делал всегда, когда она была в растерянности или чем-то расстроена.

– Замерзла, снежинка? Проходи же, пора пить твое любимое какао.

Анна осторожно вошла на кухню, которая выглядела такой, какой она ее помнила – переливающиеся гирлянды на окнах, под абажуром медленно кружит фигурка Вайнахтсмана, солонку и сахарницу держат маленькие гномы в зеленых шапочках, а стол застелен не будничной однотонной скатертью, а праздничной – красной, с золотыми цветами.

– Этого просто не может быть... – прошептала Анна и ущипнула себя за руку. – Это невозможно!

– Ты так считаешь? – встревожился дедушка. – Думаешь, Милли не понравится, если я покажусь ей в таком виде?

– Ты... – запнулась Анна. – Ты...

– Да, ты угадала! – хлопнул в ладоши дедушка. – Я нарядился дворецким Джеймсом из «Ужина на одного»! Здорово, правда?

Анна не знала, что сказать. А главное, не понимала, как дедушка, который умер за три года до бабули Милли, оказался на кухне в этом странном костюме и пританцовывал.

– Я, наверное, тоже умерла... – прошептала Анна. – Разбилась на том самолете...

– Что ты там бормочешь? – спросил дедушка, заглядывая в духовку, чтобы проверить, как там рыба. – Скоро все соберутся, а у меня и стол накрыт, представляешь? Ох, как же я соскучился по готовке!

Анна заставила себя улыбнуться и пробормотала:

– Дедушка, а ты... Как ты здесь оказался?

⁷ Падай, падай, снег-снежок / Белый и холодный!

– Ну ты и смешная, снежинка! – Дедушка Бернард надел толстые стеганные варежки-прихватки, чтобы вытащить противень. – Почти готова, – удовлетворенно заметил он и продолжил: – Кто же еще приготовит праздничный ужин для любимой внучки? Ты же из самого Мюнхена сюда прилетела!..

Анна зажмурилась. «Это не может быть правдой, не может быть правдой», – думала она.

– Давай я налью тебе какао, – предложил дедушка. – Посидим, поболтаем, как раньше? Пока этот оболтус не приехал...

Анна не вполне поняла, что он имеет в виду, но ее мысли были заняты тем, что дедушка, кем бы он ни был – духом, полтергейстом или зомби, – знал, что она прилетела сюда на самолете.

Она открыла глаза.

Перед ней стояла кружка с горячим какао. Она обхватила ее двумя руками и, наслаждаясь теплом, не спешила сделать глоток.

Дедушка сел напротив нее, у него в кружке тоже что-то было, но точно не какао.

– Ну, рассказывай, – сказал он, отхлебнул свой загадочный напиток и поморщился. – Ух, я и забыл, каково это! – он передернул плечами. – Почему ты так долго не приезжала?

– Я... Я просто...

– Снежинка, – подбадривающе улыбнулся дедушка. – У меня не так много времени. Давай пропустим ту часть, где ты удивляешься, и перейдем к той, где ты пьешь какао и рассказываешь обо всем своему любимому дедушке.

Анна невольно рассмеялась. Это было так на него похоже!

– Я не могла сюда приезжать, – сказала она, помолчав. – Этот дом... подарил столько теплых воспоминаний, и когда бабушка... Когда бабушка Милли его покинула, тут стало очень пусто. Мне казалось, что детство закончилось. И я решила не приезжать. Потому что это было... очень больно, понимаешь?

– Дорогая... – Дедушка мягко смотрел на нее. – Помнишь, в детстве ты любила играть со мной и Коржиком в снежки?

– А что, Коржик тоже тут? – удивилась Анна и с надеждой заглянула под стол.

Коржик был любимым пуделем ее дедушки, и знал все команды на свете.

– Нет, – покачал головой дедушка. – Коржик теперь стал великолепным бульдогом. Пожалуйста, не отвлекайся. Так что я тебе говорил, когда ты начинала сдаваться?

– Чтобы я перестала хныкать и собрала волю в кулак, – ответила Анна.

– А еще?

– Чтобы спряталась в безопасном месте, где твои снежки до меня не долетят, и там составила план действий.

– Правильно, – улыбнулся дедушка и сделал глоток из своей кружки. – Помнишь, как ты в первый раз победила меня?

– Я построила снежную крепость... На это ушло много времени, но я спряталась туда и забросала тебя снежками из укрытия! – ответила Анна, и перед ее глазами пронеслись видения прошлого: ее покрасневшие от холода руки, высокие снежные башни и Коржик, который, радостно виляя хвостом, делал подкоп...

Дедушка выразительно посмотрел на нее.

– Я потеряла свою крепость? Ты это хочешь сказать? – спросила она.

Она сделала большой глоток какао, тепло разлилось по ее телу. Точь-в-точь такой же вкус, что и раньше.

– Это уж ты сама реши, – усмехнулся дедушка. – Но ты на правильном пути. Кстати, помнишь, о чем «Ужин на одного»?

– Конечно. Об одинокой чопорной старушке, которая отмечает свой девяностолетний юбилей. Все ее друзья умерли, и дворецкому приходится ей подыгрывать.

– Вот именно, – кивнул дедушка. – Он изображает каждого из ее умерших друзей, их голос, манеру держаться, тем самым создавая впечатление, что все осталось по-прежнему.

– И что это значит? – спросила Анна. – По-твоему, я должна приезжать сюда как ни в чем не бывало? Делать вид, что не помню шумных праздников, веселья, настоящей новогодней сказки? Просто жить своей обычной скучной жизнью? Нет, я не могу позволить себе испортить еще и это. Этот дом должен остаться в моей памяти таким же светлым, таким же ярким, как...

– Анна, – перебил ее дедушка, – этот дом становился таким, только потому что ты была здесь. И ты, и Франц, и ваши родители, и множество гостей, даже те, кого я не помню. Ты не можешь вернуть прошлое, снежинка. Но можешь изменить настоящее и дать волшебству немного места в своей жизни.

Анна опустила голову, с трудом удерживаясь от слез. Дедушка вновь взял ее за руку.

– У тебя уже есть крепость, в которой ты можешь укрыться и набраться сил, чтобы жить той жизнью, которой ты мечтала, – сказал он твердо. – Не забывай об этом. Ты проведешь здесь еще много счастливых дней и ночей. Кому, как не тебе, оживить этот дом? – он энергично взмахнул рукой.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Я очень скучаю.

– Я тоже скучаю, снежинка, – улыбнулся дедушка, бросив взгляд на окно. – Поднимается метель, а значит, скоро он уже будет здесь. Ступай на чердак, там то, что ты ищешь.

Анна непонимающе нахмурилась.

– Ты же ищешь выход, – напомнил ей дедушка. – Здесь внизу окна уже успели обледенеть, тебе не выбраться. Наверху наверняка найдутся какие-нибудь инструменты.

– Дедушка, спасибо за помощь, – Анна поднялась из-за стола с мокрыми от слез глазами.

– Спасибо за ужин! – он тоже встал и раскрыл руки, чтобы обнять ее.

Анна прижалась к нему, положила голову ему на плечо.

– Я постараюсь построить свою крепость из воспоминаний, – прошептала она. – И устрою самый лучший Новый Год. Вы просто обзавидуетесь!..

– Не сомневаюсь, – похлопал ее по плечу дедушка Бернар. – А теперь иди. И поторопись, иначе замерзнешь.

Она направилась к двери и остановилась, чтобы в последний раз взглянуть на дедушку.

– Фрак тебе, кстати, очень идет! – сказала она.

Все вокруг начало тускнеть, превращаться в серебристую дымку...

– Пойду удивлю твою бабушку! – улыбнулся дедушка. – Такого она уж точно не ожидает. С каждой секундой он становился все прозрачнее. Свет начал меркнуть, откуда не возьмись повалил снег, налетел ветер...

Анна выскочила за дверь и только тогда все прекратилось.

– Чердак... – задумчиво проговорила она и посмотрела на лестницу.

Словно в ответ на ее слова наверху раздался грохот и, кажется, вскрикнул ребенок.

* * *

Анна поднималась по лестнице, то и дело вздрагивая. Во-первых, она понятия не имела, кого там встретит, а во-вторых, ей было страшно.

– Ты еще кто такая?

На Анну смотрела маленькая светловолосая девочка в пышном ярко-розовом платье с огромным бантом на поясе, похожая на куклу или принцессу. У ее лакированных темно-фиолетовых туфельек лежали осколки вазы.

– Отвечай! – девочка топнула ножкой. – Не то я позову Франца, и он надерет тебе уши. А если он не сможет, то бабушка Милли уж точно справится!..

– Ты – Анна? – В этом капризном ребенке Анна узнала себя и ее брови поползли вверх от удивления.

Она вдруг вспомнила, как прятала в этой вазе любимые конфеты. Это был ее тайник.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросила девочка. – Я тебя здесь раньше не видела.

– Я... – Взрослая Анна запнулась, не зная, как лучше ответить. – Я подруга твоей мамы, приехала пораньше. Она о тебе столько рассказывала! Я шла к себе в комнату и заблудилась.

– А-а-а, – протянула маленькая Анна, потеряв интерес к разговору. Она посмотрела на осколки вазы и вздохнула. – Никому не расскажешь, что это я ее разбила?

– Никому, – обещала Анна. – Но лучше бы тебе придумать тайник понадежнее.

– Откуда ты знаешь про тайник? – глаза девочки расширились, она пристально посмотрела на взрослую Анну.

– У меня в детстве был такой же, – нашла та. – Я тоже прятала конфеты в вазе.

– Я там не только конфеты прячу, – сказала маленькая Анна. – Еще кукольные платья и юбки... Я сама их делаю.

– Сама?! – поразилась взрослая Анна.

Она никогда ничем таким не занималась! Или занималась? Не могла же она забыть?..

– Хочешь, покажу? – Не дожидаясь ответа, девочка побежала к огромному книжному шкафу, встала на цыпочки, пытаясь нашарить что-то на полке. – Вот, смотри.

Она держала в руках оранжевое платье в белый горошек и несколько криво сшитых, но симпатичных кукольных юбок.

– Эту я сделала из мамино старого платья, – сказала она. – Было сложно, но я смотрела уроки той милой женщины из телепередачи, и у меня получилось! Только мама не знает, что я брала ее иголки и нитки, а то бы она меня отругала.

Анна взяла в руки маленькое платьице и осторожно разгладила ткань. Как вышло, что она ничего не помнит об этом своем увлечении?

– Я думала, что с детства мечтала стать телеведущей... – пробормотала она.

– Вы ведущая? – маленькая Анна поняла ее по-своему. – А на каком канале?

Она вдруг покраснела и уставилась в пол.

– Франц мне часто рассказывает про телевидение. Мама его школьной подруги там работает. Она даже экскурсию им провела. Франц говорит, что это лучшее место в мире!

– Ну, это он поторопился с выводами, – усмехнулась взрослая Анна. – А что еще он говорит? – с любопытством спросила она, сунув руки в карманы пальто.

Вдруг стало очень холодно, и она пожалела, что у нее нет с собой перчаток.

– Что там работают самые умные и красивые девушки, – призналась маленькая Анна. – И когда он станет известным футболистом, то обязательно женится на ведущей. Как ты думаешь, я бы смогла стать ведущей?

– Только если однажды тебе не придет в голову сняться в идиотской рекламе. Если не сделаешь такой глупости, тогда, наверное, сможешь, – сказала взрослая Анна и тут ее взгляд упал на ящик с инструментами.

– У ведущих ведь много красивой одежды? – продолжила маленькая Анна, поглядывая на нее. – Если нет, я могла бы сшить им много ярких платьев, как для моих кукол.

Взрослая Анна вдруг замерла.

– Что ты сказала?

– Я могла бы сшить... – начала девочка, но вдруг замолчала. – Не буду я повторять. Ты меня никогда не слушаешь!

– Никогда тебя не слушаю, – медленно повторила Анна. – Скажи, правильно ли я поняла: ты решила стать ведущей, только потому что они нравятся Францу?

Девочка покраснела, как спелое яблоко, и отвела взгляд.

– Что за глупости!

– Не может быть... – Взрослая Анна в ужасе схватилась за голову. – Этого не может быть...

Налетел ледяной порыв ветра, забрался под пальто. Анна почувствовала, как холод пробирает ее до костей.

– Если ты нашла, что искала, советую тебе поторопиться. – Сказала маленькая Анна, выглядывая в окно. – Он может и опоздать, а тебе нужно согреться.

Взрослая Анна кивнула. Взяв из ящика молоток, чтобы разбить замок или стекло на кухне, она направилась к двери.

– Эй! – крикнула девочка ей вслед. – Будь осторожна! Там ступеньки обледенели!

* * *

Анна очень старалась, но ноги то и дело разъезжались – ступеньки действительно оказались покрыты толстой коркой льда. Она понятия не имела, как это получилось, но удивляться у нее уже не было сил. В очередной раз поскользнувшись, она выпустила из рук молоток и ухватилась за перила. Но и это не помогло, они тоже были скользкими, и она с грохотом полетела вниз.

Больно ударившись коленом об пол, она застонала. Нога была вывернута под странным углом, и, кажется, сломана.

– Ну, супер! – пробормотала Анна. – Я в холодном доме, набитом призраками, нога сломана, связи нет! Да что за день!..

– Канун Нового Года, если ты вдруг забыла, милая!

Этот голос Анна бы не спутала ни с каким другим. Бабушка Милдред появилась так же внезапно, как и дедушка Берни, и маленькая Анна, но взрослая Анна не чувствовала ни страха, ни удивления.

– Бабушка? – позвала она. – Бабушка, прости! Я все испортила!

Сняв широкий вязаный палантин, бабушка Милдред накинула его Анне на плечи и опустилась на пол рядом с ней.

– Не переживай, дорогая. Он скоро приедет, с тобой все будет хорошо, – сказала она невпопад. – Моя маленькая, дорогая девочка. – Она обняла ее, нежно поглаживая по спине. – Пока я с тобой, я не дам тебе замерзнуть.

Анна вздохнула и увидела, что изо рта у нее идет пар. Губы едва шевелились, говорить было трудно.

– Я все испортила!.. Все делала не так...

– Милая, – говорила бабушка. – Ты здесь, а значит, можешь все изменить. Нет таких вещей, которые были бы тебе не под силу!

На глаза Анны вновь навернулись слезы – от боли, от холода, от осознания, насколько жалкой она стала.

– Я забыла, как сильно любила это место, – всхлипнула она. – Как мне нравилось шить... Я все забыла!

– Иногда мы часто забываем о том, что по-настоящему любим, – улыбнулась бабушка, убирая волосы с ее заплаканного лица. – Мы заняты другими, как нам кажется, более важными делами, а то, что действительно важно, стирается из памяти.

Было нестерпимо холодно. Анне казалось, что она лежит не на полу в доме, а посреди заснеженного поля.

– Я забыла, что была влюблена во Франца, – сказала Анна. – Я так старалась его забыть, что поверила, будто он мне не интересен. Чуть не вышла замуж за другого, а он все время был рядом...

Окна в гостиной хрустнули, потрескались. Послышался звон стекла, безжалостный ветер ворвался в дом, заглушая ее слова.

– Я так и не сказала ему... – протянула она жалобно. – Так и не сказала...

– Держись, милая, – бабушка растирала руки Анны, щипала за щеки, не давая уплыть в сон. – Потерпи немного, только не засыпай...

– Я... я... – с трудом проговорила Анна.

Казалось, все предметы в доме сорвались со своих мест и закружились, посреди холла поднялась снежная буря, заметая все вокруг снегом. Глаза закрывались сами собой. Очень хотелось спать.

– Анна! – пыталась докричаться до нее бабушка. – Анна, уже близко!

– Я немного посплю... – пробормотала она, не чувствуя своего тела.

– Анна!..

Голос бабушки звучал как-то иначе – звонче, настойчивее.

– М-м... – Анна не могла заставить себя разлепить веки.

– Анна, очнись! Пожалуйста, пожалуйста, очнись! – Бабушка яростно трясла ее за плечи.

Анна поморщилась, шея затекла, все тело ужасно ломило.

– Глупая, зачем поехала сюда одна?

– Франц? – Она сразу узнала его голос, но не решалась поверить себе. – Ты тоже призрак?..

Он подхватил ее на руки.

– Не волнуйся. Теперь все будет хорошо.

Она хотела ему ответить, но потеряла сознание.

4

*Eine Eisbahn wird der See,
Und wir freuen uns alle!*⁸

– Давай-ка проясним, – сказала Анна, разглаживая руками больничное одеяло. – Ты приехал в Бонн, только потому что мама рассказала тебе о моей спонтанной поездке?

– Не только, – усмехнулся Франц. – Короткий разговор с Маттэо убедил меня, что тебя нельзя сейчас оставлять одну. И как мы видим, я оказался прав, – он обвел руками больничную палату.

– Черт, – выругалась Анна. – Ты разговаривал с Маттэо? И что он тебе сказал?

– Достаточно, чтобы я до конца дней считал его полным идиотом, – твердо сказал Франц, проводя рукой по растрепанным черным кудрям. В его зеленых глазах промелькнула озорная искорка. – Не вздумай только сказать ему, что сбежала в бабушкин дом и чуть насмерть не замерзла из-за того, что он разбил тебе сердце.

Анна хотела бросить в него подушкой, но стоило ей напрячь мышцы, как все тело заболело.

– Не напрягайся, – Франц встревоженно привстал и начал поправлять одеяло. – Тебе нельзя. Ты слишком долго провела в холодном доме, и у тебя сломана нога!

– Спасибо, что нашел меня, – сказала она и покраснела от того, что он был так близко.

– Как вы себя чувствуете, фрау Миллер? – раздался энергичный голос.

В палату вошел доктор в белом халате, высокий, с пышными усами.

– Уже лучше, спасибо, – сказала она смущенно.

– Скажите, с ней все будет в порядке? – спросил Франц, стоя у ее кровати. – Никаких осложнений не предвидится?

– Никаких, – покачал головой врач. – Однако ей нужен отдых и минимум движений. – Он обернулся к Анне. – Вам очень повезло с молодым человеком! Вы могли бы замерзнуть насмерть в этом доме. Говорят, за последние сто лет...

– Это самая холодная ночь в Бонне, – подхватила Анна. – Я знаю. И я не нарочно.

Когда она пришла в себя, Франц рассказал ей, что, очевидно, она упала в холле, поскользнувшись, сломала ногу и сильно ударилась головой. Ему пришлось выбить окно на кухне, чтобы пробраться в запертый дом.

– Берегите себя, – сказал врач. – И с праздником.

Настенные часы показывали 00:01.

– Если ты так хотела встретить Новый Год вместе, придумала бы что-нибудь не такое опасное для жизни, – пошутил Франц.

– Ну, уж прости, – пожалала она плечами. – Ничего другого просто в голову не пришло.

– Я рад, что с тобой ничего не случилось, – сказал Франц серьезно. – Когда я увидел тебя на полу, замерзшую, без сознания, у меня просто сердце оборвалось.

– Главное, что теперь все в порядке, – улыбнулась Анна.

– Что ты вообще делала в этом доме? – спросил Франц, нахмурившись.

– Мне нужен был совет от людей, которых я люблю, – сказала Анна.

И тут вдруг включился настенный телевизор, висевший напротив ее кровати.

⁸ Преврати наш пруд в каток, / Весельем день наполни!

– Как в прошлом году, мисс Софи? – спрашивал дворецкий английскую даму, сидевшую за столом. По экрану пошли помехи, но Анна успела услышать ответ:

– Как и каждый год, Джеймс.

Два года спустя

Имбирное печенье в виде танцующих человечков остыло. Вооружившись кондитерским мешком с глазурью, Анна принялась рисовать пуговички, глазки и рот.

Когда она почти закончила, кто-то подошел к ней сзади и обнял.

– Красиво получается, – сказал Франц и поцеловал ее за ухом. – Может, станешь кондитером?

– Тогда тебе придется пробовать все, что я буду готовить, пока учусь, – фыркнула Анна. – Подумай, ведь там может быть что-то страшное... Сюрстремминг, например.

– Да хоть бы и его! – Франц сложил руки на груди. – Пока ты разъезжаешь по всему миру на свои мастер-классы по шитью, приходится есть, что попало. Я уже на сюрстремминг согласен!

– Не ворчи, – сказала она. – Лучше бы делом занялся. Родители приедут меньше, чем через час, а у нас гостиная не украшена.

– Гирлянды я развесил, снежинки на окна налепил, фигурка Вайнахтсмана уже висит под люстрой. Все, как в нашем детстве, только еще лучше.

Анна благодарно улыбнулась ему. С тех пор как они с Францем поженились и переехали в старый дом бабушки Милдред, прошло не так много времени. Это был первый Новый Год, когда они сами принимали гостей, и они пригласили в Бонн родителей и всех друзей.

– Пойдем, хочу тебе кое-что показать. – Франц потянул ее за руку в гостиную. – Смотри только, чтобы Кексик елку не повалил...

Услышав свое имя, черная такса, бешено виляя хвостом, подбежала к Анне.

– Ну что ты, кроха? – Она подхватила собаку на руки и почесала за ухом. – Франц, мне вообще-то некогда. У меня индейка в духовке, а еще нужно собрать все для раклета...

Франц вынырнул из ящика с елочными игрушками.

– Смотри, – протянул он ей красный шар.

– И что? – удивилась Анна. – Мы таких две упаковки купили.

Франц усмехнулся и повернул шар. Перед глазами Анны появилась надпись: «Моим А. и Ф. Будьте счастливы и никогда не расставайтесь!»

– Это бабушкин почерк! – воскликнула она, опустила собаку на пол и взяла шар. – Но как... как она узнала про нас?

– Наверное, видела, как ты на меня смотришь, – поддразнил ее Франц.

– Или как ты на меня, – сказала Анна.

Он притянул ее к себе и впился в губы поцелуем.

Раздался звонок в дверь. Анна с сожалением отстранилась.

– Родители пришли...

– Я открою, – сказал Франц и еще раз быстро поцеловал ее.

* * *

Стрелки на часах показывали без четверти полночь. Проходя мимо полок, на которых с недавних пор красовались их с Францем свадебные фотографии, Анна остановилась и подумала, что хорошо бы сегодня тоже сделать снимок, а потом поставить рядом.

Звучала громкая музыка, гости пили шампанское и веселились от души.

– Анна, дорогая! – крикнула мама из холла. – Тут к тебе пришли...

«Курьер?» – удивилась Анна, увидев мужчину в синей форме.

Он протянул ей конверт и скрылся в темноте так быстро, что она даже не успела протянуть ему чаевые.

Анна открыла конверт. На обратной стороне лежавшей в нем поздравительной открытки было лишь одно предложение: «Возвращайся туда, где тебе всегда хорошо».

– Что?.. – растерянно проговорила она.

Ни имени отправителя, ни адреса... Вместо привычного Вайнахтсмана в красной шубе, на ней был изображен веселый мужчина в костюме винного цвета и в желтом галстуке с маленькими коричневыми оленями.

Анна широко открыла глаза и ахнула. Она могла поклясться, что это был тот самый Отто, которого она встретила в самолете. И он только что ей подмигнул.

Пара на праздники. Юлия Кот

23 декабря 2023

Алексис

Это Рождество должно было стать худшим в жизни Алексис. Начать хотя бы с того, что парень – теперь уже бывший – бросил ее 21 декабря, в их годовщину. Алексис и Дерек планировали потрясающий отпуск во Франции. Уже послезавтра, в рождественское утро, они должны были загрузить чемоданы в багажник такси, отправиться в аэропорт имени Даллеса и сесть на рейс «Вашингтон – Париж». Алексис планировала наконец-то познакомиться с родителями Дерека и получить на палец заветное кольцо с бриллиантом минимум в один карат. И что в итоге? Вечер 23 декабря, и ей бы готовиться к Рождеству, а она в кофейне на Пенсильвания-авеню, и сюда, конечно же, почти никто сегодня не заглядывает.

Большинство офисов уже закрылись, унылые припозднившиеся служащие спешили домой, в свои теплые квартиры, мимо «Тейсти Бейкери». В кофейне было пусто; тишину нарушал лишь негромкий голос Синатры из колонок. Пахло свежими круассанами, которые Алексис полчаса назад поставила в духовку. Она собиралась взять их домой, чтобы хоть как-то скрасить вечер. В программе предполагались рыдания, бутылка вина и просмотр «Дневников Бриджит Джонс». Алексис стояла у прилавка, подперев подбородок ладонью. В другой руке она держала смартфон, лениво листая ленту и разглядывая фотографии друзей. На экране выскочило сообщение: «Дерек Лой выложил новое фото». Едва удержавшись, чтобы не швырнуть телефон в корзину для мусора, Алексис закрыла приложение.

Планы Дерека, в отличие от планов Алексис, не изменились. Когда он заявил, что в Париж к родителям поедет один, и ему нужно серьезно подумать об их отношениях, а ей – о том, куда перевозить вещи из его квартиры, Алексис пришла в бешенство. Их роман казался ей идеальным. Она совершенно не ожидала получить на Рождество в качестве подарка расставание, перевязанное ленточкой «мы-просто-друг-другу-не-подходим».

Положив телефон на стойку, она повернулась к кофе-машине и пробормотала:

– Пошел к черту, гребаный...

За спиной у нее кто-то негромко кашлянул. Алексис обернулась и встретилась глазами с тем, кого про себя называла «мистер черный костюм». Он всегда заходил в «Тейсти Бейкери» рано утром, одним из первых, и вечером, перед самым закрытием, и заказывал одно и то же – эспрессо без сахара, иногда еще сэндвич с индейкой без соуса, с собой.

– Тяжелый день? – спросил он, и легкая улыбка тронула уголки его губ.

Ясно... Значит, слова Алексис он точно слышал. Натянуто улыбнувшись, она проговорила:

– Добрый вечер! Вам как обычно?

– Да, будьте добры. Эспрессо...

– ...без сахара и сэндвич с индейкой без соуса. С собой, – скусающе подхватила Алексис, повернулась к кофе-машине и взяла картонный стаканчик.

Но «мистер черный костюм» внезапно сказал:

– Здесь. Сэндвич я съем здесь. Если, конечно, кофейня еще не закрывается.

Алексис удивилась, но виду не подала и бросила, не оборачиваясь.

– Как хотите.

Возвращаться в пустую квартиру, где нет Дерека, и собирать чемоданы – до сих пор непонятно, куда их везти, – особого желания не было, поэтому Алексис все еще торчала на работе и с легкостью согласилась побыть здесь еще немного.

Она отставила в сторону картонный стаканчик и взяла маленькую фарфоровую чашку, и через несколько секунд, когда она наполнилась ароматным крепким кофе, поставила ее перед мужчиной.

– Сэндвич будет чуть позже. Я принесу его, мистер...

Только сейчас Алексис поняла, что не знает, как его зовут, хотя видела его почти в каждую свою смену. Единственными словами, которые она от него слышала, было приветствие и состав заказа.

– Мартин Ирвинг. – произнес он. Его имя показалось ей смутно знакомым. – А вы?..

– Алексис, – ответила она. – Садитесь, где хотите. Вся кофейня в вашем распоряжении.

Мартин молча кивнул и, взяв длинными, как у пианиста, пальцами чашку, направился к столу у окна. Его черные, как вороново крыло, блестящие длинные волосы были стянуты в тугий хвост, слегка покачивавшийся, когда он шел. Выглядел он строго – всегда идеально белая рубашка, чёрный костюм, блестящие лакированные ботинки и большой кожаный портфель, – однако волосы у него были длинные. Алексис хмыкнула.

Собирая в полиэтиленовых шелестящих перчатках сэндвич, она искоса поглядывала на единственного посетителя кофейни. Тот вынул из портфеля серебристый тонкий ноутбук, сделал глоток кофе и начал быстро печатать. Его брови сошлись на переносице...

Алексис одернула себя, заметив, что слишком долго рассматривает Мартина.

Часы показывали девять вечера, и Алексис казалось, что они с «мистером черным костюмом» были единственными, кто еще оставался на Пенсильвания-авеню. Огни в окнах офисного здания напротив кофейни давно погасли.

Она достала тарелку из посудомойки, положила на нее сэндвич и направилась к гостю. Слова сами слетели с ее губ:

– Что-то вы засиделись. Наверняка вас уже ждут дома... Завтра ведь Рождество!

– Я вам мешаю?

Мартин поднял глаза от экрана. Алексис смутилась, поймав пронзительный взгляд его карих глаз, и пробормотала:

– Черт, простите... Нет, конечно, не мешаю, я просто...

– Я хотел бы еще немного поработать, – сухо заметил Мартин.

– О, ладно, тогда я...

Алексис неопределенно взмахнула рукой и, резко развернувшись, едва не налетела на соседний стол. Сердясь на себя за неловкость, она поспешила обратно к стойке. Ей казалось, что она буквально чувствует взгляд Мартина спиной, но, обернувшись, она увидела, что он вновь уткнулся в ноутбук. Сэндвич так и лежал нетронутым.

Усевшись на барный стул, Алексис открыла на телефоне файл в заметках, куда записывала мысли для будущей книги. Она давно мечтала увидеть свой роман напечатанным, пока ничего не получалось. Первую рукопись она разослала в шесть издательств, не меньше, но ответили ей только из одного, и то несколько месяцев спустя. Из «Скуэр Пресс» пришло короткое письмо, в котором ей сообщали, что рукопись издательству не подошла.

Чтобы не листать ленту, с болезненным любопытством следя за Дерексом, и не прислушиваться к тому, как Мартин стучит по клавишам, Алексис решила написать какую-нибудь короткую историю. Она фыркнула, когда поняла, что собирается рассказать о парочке, которая вместе встречает Рождество. Дерекс упорно не хотел покидать ее мысли...

Алексис сосредоточилась, обдумывая текст. На экране смартфона начали появляться слова – сначала медленно, потом все быстрее. Способность с головой погрузиться в вымышленный мир и сочинять истории где и когда угодно она считала своей настоящей суперсилой.

Время летело незаметно. Но вот по радио сообщили, что в Вашингтоне уже одиннадцать часов вечера, и Алексис вновь услышала негромкое покашливание.

– Давно стоите? – выпалила она, увидев Мартина у стойки, и тут же снова мысленно прокляла себя за глупый вопрос. – То есть, я хотела сказать...

– Оплата картой, – сказал он и потянулся кредиткой к терминалу.

Алексис пробила чек. Мартин молча кивнул, достал черный кожаный бумажник, вынул из него пятьдесят баксов и сунул их в банку для чаевых.

У самой двери он остановился, сказал:

– Доброй ночи. Счастливого Рождества, – и, не дожидаясь ответа, шагнул в темноту.

– И тебе, – буркнула Алексис, снимая фартук.

Желания наводить в кофейне порядок не было никакого, но... уборка – или сбор чемоданов. Вспомнив об этом, она вздохнула и отправилась за ведром и шваброй. Полы в «Тейсти Бейкери» сегодня будут блестеть.

Алексис подпевала Селин Дион, чей голос доносился из колонок. Настроение было хуже некуда. Выводя на кафеле узоры влажной тряпкой, она вдруг увидела, что под столом, за которым сидел «мистер черный костюм», что-то блеснуло. Нагнувшись, она подняла с пола флешку. Ее металлический корпус оказался неожиданно холодным.

– И где мне тебя теперь искать? Да еще и в Рождество? – вздохнула она.

Мартин

Водитель такси предупредил, что работает по двойному тарифу. Мартин кивнул, уселся на заднее сиденье и коротко сказал:

– В Джорджтаун.

– Ого! Живете в районе для богачей? – попытался завести разговор водитель, но Мартин молча уставился в окно.

Такое отвратительное Рождество было у него только раз. Два года назад он встречал его в полном одиночестве, среди пустых бутылок из-под виски. Тогда он пытался забыть Лиз, ушедшую от него к... Подумать только, к его кузену!

Мартин задумчиво потер лоб рукой. Сразу после Рождества нужно сдать важный отчет, над которым он работал всю последнюю неделю. В издательском бизнесе не бывает выходных. А затем Мартина ожидало еще одно испытание.

Зазвонил мобильник.

– Марти, дорогой, уже пакуешь чемоданы? – послышался в трубке высокий голос матери.

– Вылет только 28 декабря. Времени еще полно, – ответил Мартин, борясь с желанием сбросить вызов.

– Опять работаешь?

Мартин промолчал. В трубке звучали веселые голоса, среди которых он узнал бас Роба. Что может быть хуже, чем встречать новый год с родственниками, в том числе с двоюродным братом и своей бывшей?

– А твоя девушка уже собралась? Мы так рады, что сможем наконец с ней познакомиться! – Мама не оставляла надежды разговорить Мартина.

– Да, она тоже сгорает от нетерпения, – процедил он. – Ладно, у меня дела. Позвоню перед вылетом.

Закончив разговор, Мартин откинулся на сиденье, прикрыл глаза. Какого черта он соврал семье, что придет с девушкой? Он ведь сто раз мог признаться, что прилетит один. А все из-за Роба и Лиз. Когда Мартин узнал, что они тоже приедут на зимние праздники, то понял, что просто не выдержит сочувствующих взглядов...

За окном мелькали старинные особняки Джорджтауна. Лучше всего сейчас будет сосредоточиться на работе. Как только отчет будет сдан, он подумает о том, что ему делать с этой проблемой.

Алексис

– Итак, главное мы выяснили. Дерек – идиот, каких еще поискать, – говорил Шон, пытаясь запихать еще одни джинсы Алексис в чемодан.

Он налил себе еще вина, сделал глоток. Алексис, высморкавшись, бросила бумажную салфетку в корзину, промахнулась и всхлипнула. В квартире, где все напоминало о том, как они с Дерекком были счастливы (пока не выяснилось, что лишь в ее фантазиях), Алексис снова расклеилась. Шон, ее лучший друг, демонстрируя поразительную изобретательность, уже три часа обзывал Дерекка всякими ужасными словами, но она все еще чувствовала себя совершенно несчастной.

О том, чтобы поехать на праздники к маме, и речи быть не могло. Мама Алексис обожала Дерекка и все праздники напропалую пилила бы дочь, уверенная в том, что в расставании виновата именно она. В семье Алексис всегда была гадким утенком. Сестры давно вышли замуж и чуть не на каждые выходные привозили своих детей к родителям. Алексис же приходилось выслушивать постоянные упреки и намеки на то, что в двадцать семь лет пора бы уже обзавестись своей семьей. Едва ее мама познакомилась с Дерекком, как он тут же получил статус «любимого сыночка». В этом году она вообще забыла про день рождения Алексис, зато позвонила в семь утра, чтобы поздравить Дерекка с именинами.

Шон собирался со своей девушкой на Гавайи и предложил Алексис пожить у него, пока сам он будет встречать новый год под палящим солнцем. Праздничная программа Алексис становилась более определенной: посещение всех баров в районе Айви-Сити, где находилась квартира Шона.

– Так, прекращаем водопад из слез! – Шон допил вино и метнул последнюю кофточку в чемодан. – У меня все. Теперь можно переключиться на поиски твоего загадочного Мартина Ирвинга.

– Спасибо, – всхлипнула Алексис, делая глоток вина. – Шон, что бы я без тебя делала!

– Рыдала бы до утра посреди кучи шмоток. Давай сюда ноутбук.

Алексис повиновалась.

– Мар-тин Ир-винг, – проговорил Шон. – Посмотрим, есть ли ты в соцсетях.

Он набрал в поисковике имя, и спустя несколько секунд его глаза расширились от удивления. Взорвав рыжие волосы, Шон придвинул ноутбук к Алексис со словами:

– Ты лучше сядь.

– Давай уже... – Алексис повернула экран к себе и воскликнула: – Ничего себе! Так вот почему мне его имя показалось знакомым. Он же главный редактор «Скуэр Пресс»! Я видела его контакты на сайте издательства.

24 декабря 2023

Мартин

Опять уснул за столом, разбирая кипу бумаг...

Открытый чемодан с одиноко лежащими в нем кедами «Голден гус» и парой профессиональных ракеток «Уинстон», казалось, смотрел на него с упреком. Мартин глянул на часы. Девять вечера, празднование Рождества уже началось.

Он повертел головой, разминая затекшую шею. Откинув волосы назад, он стянул их в хвост. Телефон зазвонил, но Мартин тут же сбросил звонок. Не сегодня. На экране всплыло уведомление: «Непрочитанные сообщения: 63. Пропущенные вызовы: 34».

Мартин босиком спустился на первый этаж фамильного особняка Ирвингов. Ничто здесь не напоминало о том, что сейчас Рождество.

Оказавшись на кухне, он заглянул в холодильник (ничего, кроме полусгнившего лимона) и, поморщившись, захлопнул его. Закатал рукава рубашки, налил из фильтра стакан воды и полностью осушил его. Телефон, оставшийся на втором этаже, снова зазвонил, но все, чего Мартину сейчас хотелось – это принять контрастный душ. Так что тому, кто сторал от желания услышать его голос, придется потерпеть.

Из душа Мартин вышел в одних пижамных штанах, черных в белую клетку. Влажные волосы рассыпались по плечам, охлаждая кожу. Впервые за полгода он чувствовал себя... относительно живым. Скривившись, Мартин посмотрел на сумку с ноутбуком, перевел взгляд на шкаф. Пора было собираться в поездку. Он всегда все делал заранее.

Родители Мартина жили в Бока-Ратон, курортном городке на юго-восточном побережье Флориды. Население: семьдесят тысяч человек плюс толпа туристов. Мартин его ненавидел.

Во-первых, он ненавидел жару. Во-вторых, больше, чем жару, он ненавидел сборища родственников, съезжавшихся на Рождество и Новый год. Всем хотелось поплавать в бассейне, насладиться великолепными блюдами, которые готовил их шеф-повар, и прокатиться на одном из «Феррари» или «Ламборгини», от которых ломился отцовский автопарк. Парад лицемерия, вот как Мартин называл эти праздники. Единственное, что его утешало – наличие теннисного корта, на котором он и планировал провести все выходные.

В этом году от посещения Бока-Ратон отвертеться не вышло. Мартин уже два года не приезжал к родителям. К тому же, они жаждали познакомиться с его девушкой. С девушкой, которой на самом деле не существовало. При мысли об этом Мартин вновь схватился за переносицу.

Перед его глазами почему-то возник образ кареглазой девушки из кофейни. Алексис... Теперь он знал, как ее зовут, хотя ему казалось, что он уже давно с ней знаком. Мартин всегда радовался, если за прилавком «Тейсти Бейкери» стояла она, а не ее угрюмая коллега.

Не прошло и получаса, как вещи были собраны: к кедам и ракеткам присоединились две футболки «Карл Лагерфельд» и две пары брюк, черные и бежевые. Черный костюм от «Тома Форда». Несколько белых рубашек.

Расстегнув кожаный портфель, чтобы убрать туда папку с договорами, которые нужно было просмотреть за выходные, Мартин вдруг обнаружил, что потерял флешку с отчетом. Сердце забилось чаще, когда он не увидел ее на дне портфеля, где она обычно лежала. Он проверил оба боковых кармана – пусто. Запустил руку в волосы, растерянно огляделся по сторонам. Отчет, который завтра должен получить руководитель холдинга, бесследно исчез.

Через полчаса надежда найти флешку окончательно угасла. В доме Мартина всегда царил идеальный порядок, так что потерял он ее явно не здесь. Взяв со стола телефон и морально готовясь к предстоящему тяжелому разговору, он без сил рухнул в кожаное кресло. Таким был рождественский вечер Мартина Ирвинга.

Алексис

– Точно не хочешь выпить? – Молли пыталась перекричать музыку.

Алексис покачала головой. Молли пожала плечами и мгновенно осушила обе рюмки текилы. Парень, сидевший рядом за стойкой бара, подмигнул ей и, взяв за руку, повел танцевать. Алексис показала подруге большой палец вверх и повернулась к хмурому бармену. У него, кажется, тоже не было праздничного настроения.

На Рождество в баре «Джимми Валентайн», казалось, собрался весь Вашингтон. Как минимум, весь район Айви-Сити. Было шумно и тесно. Алексис потягивала лимонад, изнывая от желания поехать к Шону домой и распластаться в позе звезды на большой двуспальной кровати. Она до сих пор недоумевала, почему здесь так людно, ведь Рождество – семейный праздник, полагается сидеть с родными за большим столом, есть жареную индейку и слушать «Let it snow», а не прыгать в баре под Бейонсе.

К Алексис подошел молодой человек, едва державшийся на ногах.

– Мадам... мисс... ой, дамочка! Не хотите ли потанцевать? – спросил он заплетающимся языком.

– Хочу, чтобы ты отвалил, – бросила Алексис, не оборачиваясь.

– Э, ты что себе позволяешь, курица! – возмутился он.

Алексис развернулась на стуле, готовясь дать отпор нахалу, но тут в кармане завибрировал телефон. Оттолкнув парня, выкрикивавшего ей в след какие-то ругательства, она начала пробираться к выходу, нажимая на кнопку «Ответить». Звонок поступил с незнакомого номера.

– Алло! – крикнула она в трубку.

– Алексис? – послышался низкий, бархатный голос. – Вас плохо слышно.

– Да-да, это я, секунду, – ответила она, отпихивая плечом стоявшую на пути парочку.

Вырвавшись из бара, она полной грудью вдохнула свежий воздух.

– Алексис, вы здесь? – снова спросил мужчина.

– Да, слушаю, – ответила она.

– Алексис, это Мартин Ирвинг. Вы написали мне, что флешка у вас, и оставили этот номер телефона.

– О, Ма-а-артин! – протянула Алексис, представляя лицо Шона, когда тот узнает, что «мистер черный костюм» все-таки ей позвонил. – Я и правда написала вам тысячу сообщений!

– Простите, не мог ответить, – спокойно произнес Мартин, – и благодарю вас за то, что подобрали флешку. Могу ли я сейчас подъехать за ней?

– Сейчас? Черт... Простите, сейчас никак, я в баре... Вроде как праздную Рождество. А флешка у меня... то есть у друга дома. Может быть, завтра?

– Дело в том, что флешка нужна мне сегодня. Поможете?

– Ладно, – При мысли о том, чтобы вернуться в бар, Алексис затошнило. – Приезжайте на 17-ю Нортист, дом пятьдесят восемь.

– Буду через полчаса. – ответил Мартин.

Не попрощавшись с Молли (позже она отправит ей смс), Алексис надела шлем и перекинула ногу через седло своего «Кавасаки Ниндзя». В этом году под Рождество Вашингтон радовал сорока градусами по Фаренгейту⁹. Многие мотоциклисты считали, что уже слишком холодно, и закрывали сезон, но Алексис лишь надевала куртку потеплее.

Мартин

Мартин стоял у пятидесят восьмого дома по 17-й Нортист и поглядывал на часы – он приехал на пять минут раньше назначенного времени. Услышав рев мотоцикла, он обернулся.

⁹ 40° по шкале Фаренгейта – примерно 5° по шкале Цельсия.

Зеленый «кавасаки» остановился рядом с ним. На нем сидела девушка в синих джинсах и дутой серебристой куртке. Она заглушила мотор и, спрыгнув на землю, поставила байк на подножку.

– Мартин? – спросила она, не снимая шлем.

– Алексис? – спросил он, не скрывая удивления. – Вы за рулем в Рождественскую ночь?

Прямо из бара?

– Вечеринка не удалась, и лимонад оказался невкусным, – ответила она. – Подниметесь вместе со мной? Флешка в одном из моих чемоданов, не помню, в каком.

Алексис открыла замок и, придерживая дверь, дождалась Мартина.

– Это я должен придерживать дверь перед девушкой, – заметил он.

– Да бросьте, – отмахнулась Алексис. – Нам на третий.

В квартире было уютно. Шагнув через порог, Мартин увидел небольшую гостиную, совмещенную с кухней. Соседняя дверь, видимо, вела в спальню. Алексис наконец сняла шлем. Ее темные кудрявые волосы рассыпались по плечам, она заправила непослушные пряди за ухо.

Опустившись на колени, она принялась по очереди открывать чемоданы, стоявшие в прихожей. Мартин неловко засунул руки в карманы пальто.

– Переезжаете? – спросил он.

– Уже переехала. – Алексис сопела, обшаривая передний карман темно-фиолетового чемодана. – Поживу пока у друга, потом начну искать новую квартиру. Так бывает, когда перед самым Рождеством тебя бросает мужчина, две недели назад клявшийся в любви.

Не ожидавший такой откровенности Мартин молчал. Алексис замерла, потом обернулась, и он увидел, как покраснели ее щеки.

– Вот, держите. – Поднявшись на ноги, она протягивая ему флешку.

Их пальцы соприкоснулись.

Алексис с независимым видом тут же сунула руки в задние карманы джинсов и теперь покачивалась на пятках, в упор глядя на Мартина.

– Кхм... Благодарю. – Он кивнул и повернулся к двери.

– А как вы будете добираться домой? – спросила Алексис, прежде чем он успел взяться за ручку двери.

– Вызову такси.

– В Рождество сюда никто не поедет. Будете до утра ждать, – заметила девушка и вдруг предложила: – Хотите, я вас отвезу?

Мартин обеими руками обхватил Алексис за талию. Мощный мотор ревел, а он все не мог найти ответ на вопрос: как вышло, что он согласился сесть на мотоцикл, да еще в этом глупом пастельно-розовом шлеме. Алексис старательно прятала улыбку, когда он его надевал. И вот теперь по ночным вашингтонским улицам мчал зеленый байк, которым управляла хрупкая Алексис, девушка в черном шлеме и серебристой куртке, а за ней сидел мужчина, весь в черном. И в розовом шлеме. Мартину казалось, что редкие прохожие оборачиваются, провожая их взглядом.

Волосы развевались у него за спиной, холодный ветер обдувал лицо. Когда Алексис затормозила на светофоре, голова Мартина качнулась вперед, и он стукнулся о ее шлем своим.

– Простите, – пробормотал он.

– Ничего! Так со всеми бывает, кто первый раз едет в качестве пассажира.

– Нам налево, – указал Мартин рукой.

Алексис отпустила тормоз, крутанула ручку газа и резко переключилась на вторую передачу. Мартин, едва не упав с мотоцикла, вновь намертво вцепился в Алексис.

Как только они остановились у его дома, он, не чуя под собой ног, спрыгнул с мотоцикла и сорвал с головы шлем. Алексис хихикнула и положила свой шлем на топливный бак.

– Вам идет, – сказала она.

– Да уж... – пробормотал Мартин, проверяя, не выпала ли флешка из кармана. Алексис почему-то не торопилась уезжать.
– Классный дом, – кивнула она на особняк.
– Благодарю. Семейный дом Ирвингов.
– Ну... я поеду... – сказала Алексис и перекинула темные локоны за спину.
– Еще раз спасибо за флешку, – проговорил Мартин. – И за поездку тоже.
– Пустяки.
– Вернетесь в бар? – поинтересовался он.
– Нет. Уверена, что в холодильнике у Шона есть мороженое. Так что до утра буду смотреть «Твин Пикс». Надеюсь, что смогу проспять все выходные. А у вас какие планы? Работа и еще раз работа?

– Приблизительно так, – он улыбнулся одними уголками губ. – Благодаря вам утром я сдам отчет... А потом начнутся выходные.

Мартин вновь вспомнил о том, что двадцать восьмого декабря в пять часов вечера его ожидает рейс «Вашингтон – Палм-Бич» и почувствовал глухое раздражение где-то в области солнечного сплетения. От мысли о том, что Новый год он будет встречать под сочувствующими взглядами родственников, во рту появился привкус желчи.

Молчание затянулось. Алексис неловко забрала из рук Мартина розовый шлем, положила на заднее сиденье и закрепила, натянув поверх сетку. Перекинула ногу через седло. Надела свой шлем, застегнула его. Повернула ключ зажигания, нажала красную кнопку на руле. Мотор зарычал.

– Ну, пока! – сказала она громко, привлекая внимание Мартина.

Зажала рычаг сцепления и клацнула левой ногой по лапке переключения передач. Потянулась к ручке газа...

И тут Мартин неожиданно для себя выпалил:

– Алексис, не хотите провести эти праздники со мной?

28 декабря 2023

Алексис

– Думаешь, это хорошая идея? – неуверенно спросила она.

Плечом Алексис прижимала смартфон к уху, а в руках вертела черный купальник, все еще сомневаясь, стоит ли собирать чемодан. Черт дернул ее принять приглашение Мартина. Успокаивало лишь то, что у нее был план отступления, который она придумала за эти три дня. Очень простой план – просто не явиться в аэропорт. Утром Мартин прислал сообщение: «Если вы не приедете, я пойму...». Без смайликов и с точкой в конце. Кто вообще так пишет?

– Алекс, идея просто отличная! – послышался в динамике голос Шона. – Отдохнешь, поваляешься пару дней у бассейна... Ничего страшного с тобой не случится. Он обещал прочитать твой роман?

– Да...

– Но ты не сказала ему, что отправляла его когда-то в «Скуэр Пресс»?

– Конечно, не сказала! Шон, это было бы слишком глупо: «Я согласна с вами поехать, если прочтете мой роман. Кстати, из издательства, в котором вы работаете, пришел ответ, что рукопись полный отстой. До встречи в аэропорту, пока!». Мне вообще эта затея кажется странной. Зачем только я согласилась?.. Отключу телефон до завтра и спрячусь в ванной, – начала причитать Алексис.

Она плюхнулась на кровать и уставилась в потолок.

– *Странно* будет, если ты пролежишь все праздники на диване, обжираясь сырными начос, а мне потом придется заказывать химчистку, чтобы избавиться от крошек, – заявил Шон. – А поехать во Флориду и разгрузить голову, отвлечься наконец от страданий по Дереку – совсем не странно. К тому же, ты вроде сказала, что он симпатичный, этот твой Мартин Ирвинг? Может, еще и роман твой издаст... Пока я вижу только плюсы!

– Заткнись, Шон! Я слышу этот твой тон!

Шон захохотал. Алексис представила себе его веснушчатое лицо и тоже улыбнулась.

– Обещай, что будешь следить за мной по джи-пи-эс! – потребовала она.

– Обещаю, дорогая!

– Пока, Шон.

– Пока, Алексис! Позвони, как долетишь!

Закончив разговор, Алексис застонала и закрыла лицо руками. Она была во Флориде только один раз, пять лет назад, когда они с мамой ездили в маленький курортный городок Панама-Бич. Из развлечений там была лишь вода в океане. Они жили в дешевом отеле, и ей не нужно было ломать голову, подбирая гардероб. Сейчас ее спасало только то, что она купила пару новых костюмов и платьев для поездки, которую они планировали с Дерекком. Вот эти обновки Алексис и положила в чемодан. Время за сборами пролетело незаметно, на часах уже было три часа дня, и Алексис почувствовала, как от волнения внутренности скрутило в тугой узел.

Дрожащими пальцами она набрала сообщение Мартину: «Выезжаю в аэропорт» и вызвала такси.

Мартин

Он до сих пор не мог поверить, что Алексис согласилась. Когда он получил сообщение о том, что она выезжает в аэропорт, его сердце забилось чуть быстрее, но он все еще не был уверен, что она выполнит обещание. Сам бы он, конечно, никогда на такую авантюру не согласился.

Выйдя из такси у национального аэропорта имени Рональда Рейгана, Мартин сразу увидел Алексис. Она оглядывалась по сторонам, теребя шнурок темно-синего худи. Увидев его, неловко помахала рукой, словно все еще сомневалась в том, что делает.

К стойке регистрации они подошли молча. Алексис протянула паспорт и назвала свою фамилию.

– Алексис Ривер, – произнесла сотрудница авиакомпании, сверяясь с фотографиями в паспортах – а вы Мартин Ирвинг.

Мартин и Алексис утвердительно кивнули. Сотрудница с дежурной улыбкой вернула им документы.

– Добро пожаловать на рейс «Американ Айрлайнс»! Прошу пройти на посадку.

Конечно же, Мартин взял билеты в первый класс. Разложив сиденье с помощью кнопки, он вытянул длинные ноги. Алексис, сидя на соседнем месте, нажимала кнопку на пульте, то поднимая, то опуская перегородку между ними.

– Надеюсь, ужин принесут скоро, – пробормотала она, окончательно опустив ее. – Вы сказали, прилетим через два часа?

Они поднялись в воздух минут тридцать назад. Планируя это путешествие, Мартин все оставшееся время собирался проспать. Однако за короткое время, проведенное с Алексис, он уже понял: это ему вряд ли удастся. Он с сожалением положил большие серебристые наушники на стол.

– Наверное, нужно составить список? Несколько списков? Мы ведь должны хоть что-то узнать друг о друге? Чтобы родственники ничего не заподозрили? – сыпала вопросами Алексис.

– Даже не знаю, с чего начать... – Мартин устало потер подбородок.

– Например, твой любимый фильм?

– «Эта замечательная жизнь».

– Старье, понятно. А из современного?

– «Форрест Гамп».

– Я сказала – из современного. Тебе же не пятьдесят!

– Когда вышел «Форрест», мне было шесть, а не шестнадцать.

– Я вот обожаю «Мстителей» и «Человека-паука».

Алексис порылась в сумке, которую взяла с собой в салон, и показала Мартину свой ноутбук – сплошь заклеенный стикерами, большинство из которых были с изображениями супергероев.

Он бросил взгляд на идеально чистую серебристую крышку своего ноутбука и сказал:

– Я видел первые две части «Человека-Паука».

– И как тебе?

– Фильм с Эндрю Гарфилдом мне понравился больше.

– Ну вот, не все потеряно. – усмехнулась Алексис.

За следующие полтора часа Мартин успел рассказать Алексис, что любит теннис и ненавидит футбол; что побывал во Франции, Италии, Испании и Южной Америке, но больше всего любит родной Вашингтон; что его детская мечта стать пианистом так и не осуществилась. Над историей о том, как в 21 год Мартин впервые напился и разбил отцовский «Астон Мартин», не успев даже выехать из гаража, Алексис хохотала до слез.

За это же время Мартин узнал, что Алексис любит желтые с красным розы – этот факт почему-то особенно врезался ему в память; что несколько раз она падала с мотоцикла, но всегда удачно; что она обожает острую еду, особенно суп «Том Ям», а еще газированную холодную воду; и что у нее аллергия на перец халапеньо.

– А чем ты увлекаешься кроме сочинения книг? – спросил Мартин, когда по громкой связи сообщили, что через пятнадцать минут они приземлятся в аэропорту Палм-Бич.

– Не думаю, что это просто увлечение, – серьезно ответила Алексис, несколько минут назад еще хохотавшая до слез. – Это моя жизнь. Люблю рассказывать истории. Всегда мечтала стать писателем, как ты – пианистом. А почему ты стал работать в издательстве?

На лице Мартина промелькнула тень улыбки:

– Ты любишь рассказывать истории, а я – читать.

Для того, чтобы стать его «девушкой» на ближайшие три дня, Алексис совершенно необязательно было знать, что в издательство он пошел наперекор отцу. И начал с должности стажера, лишь чтобы доказать, что он и сам чего-то стоит.

Снижаясь, самолет несколько раз дернулся. Алексис испуганно посмотрела на Мартина и прикусила губу.

– Все в порядке, – сказал он, чтобы успокоить ее. – Боишься летать?

– Боюсь воздушных ям.

Помедлив, Мартин протянул ей руку. Алексис с благодарностью вцепилась в нее, и он легонько сжал ее пальцы.

Алексис

Окруженный пальмами большой белый особняк Ирвингов находился в южной части города. Когда Алексис и Мартин приехали, вся семья собралась у бассейна на заднем дворе, и

ей удалось незаметно проскользнуть в их комнату. В их общую с Мартином комнату. Выбора не было – если бы они попросили поселить их отдельно, все бы точно догадались, что они не пара.

Спальня по размеру не уступала квартире Шона. У стены стояла кровать, на которой уместилось бы минимум четыре человека, в изножье кровати стоял диван, на котором Мартин обещал спать в ближайшие три дня. К спальне примыкали ванная с мраморным полом и гардеробная.

Мартин предупредил Алексис, что в девять часов вечера начнется праздничный ужин в честь его приезда, и одеться придется соответствующе.

В столовой собралось одиннадцать человек: родители Мартина – мистер и миссис Ирвинг, его бабушка, кузен Роб со своей девушкой Лиз, его родители – мистер и миссис Дэвидсон, а также Алиша, близкая подруга матери Мартина, с мужем.

Алексис ковыряла вилкой пирожное, чувствуя, как ее ноги сдавливают новые розовые туфли «Маноло Бланик» (хоть что-то хорошее осталось от Дерека), а саму ее сверлят пытливые взгляды. Время от времени она бросала взгляд в окно, за которым сверкала семифутовая наряженная ель, обсыпанная искусственным снегом. Что может быть глупее, когда даже вечером температура снаружи не опускалась ниже семидесяти градусов по Фаренгейту¹⁰? Тем не менее, ель мигала разноцветными огнями, а мать Мартина не сводила глаз с Алексис.

– Ну и как же вы с Марти познакомились? – наконец спросила она, сделав глоток просекко.

Ужин подходил к концу, гости были увлечены десертом и кофе.

– Да, нам всем очень интересно, – подхватил кузен Роб.

Алексис заметила, с какой неприязнью посмотрел на него Мартин. Она прикусила щеку изнутри. Историю знакомства они с Мартином не обсуждали, а его родители-снобы вряд ли обрадуются, узнав, что она бариста в кофейне на Пенсильвания-авеню.

– Я устроилась работать к Мартину в издательство...

– Младшим редактором, – уточнил он и слегка обнял ее.

Алексис вздрогнула от прикосновения, но тут же велела себе успокоиться. Они же «встречаются», так что реагировать подобным образом она точно не должна. Мартин, почувствовав ее мимолетное замешательство, положил руку на стол перед собой. Алексис, ослепительно улыбнувшись его матери, уверенно переплела их пальцы. Теперь вздрогнул Мартин.

– Да, Мартин взял меня на работу младшим редактором, – повторила Алексис, – а через несколько месяцев понял, что я хороша не только в редакции...

Лиз противно хихикнула, и Алексис мысленно прокляла себя. Но Мартин тут же поспешил ей на выручку.

– Да, Алексис еще очень хороша... в написании текстов, – спокойно сказал он, пристально глядя на свою мать. – Думаю, ее ждет большое будущее как писателя.

Алексис опешила. Неужели он видел ее рукопись? Не может быть...

– А чем вы еще занимаетесь, милая? – продолжала допрос миссис Ирвинг. – Вы ведь знаете, Марти – очень разносторонний мальчик, ему нужна такая же интересная спутница.

– Я катаюсь на мо... – начала было Алексис.

– Алексис катается на лошади. Она с детства занимается конным спортом, – перебил ее Мартин.

– Ага, на железной лошади, – пробормотала Алексис так тихо, что услышал ее только Мартин.

Он подмигнул ей.

¹⁰ 70° по шкале Фаренгейта – примерно 21° по шкале Цельсия.

– Конный спорт – благородное занятие, – кивнула миссис Ирвинг, поправляя жемчуг на шее. – А музыка? Вы любите музыку?

– Да, я часто слушаю Баха и Вивальди, – серьезно ответила Алексис.

«А еще Эминема и Леди Гагу», – добавила она про себя, но матери Мартина сообщать об этом незачем.

– Похвально, – удовлетворенно кивнула миссис Ирвинг; ее глаза блеснули.

Пожалуй, на сегодня ей стоило завязать с просекко.

– Непохвально только то, что наш сын забывает о семье, занимаясь бесполезной работой в издательстве и водит в дом кого попало, – проворчал отец Мартина.

– Опять ты за свое, Ник...

– Не сейчас, милый! Он ведь только приехал – бабушка Мартина тронула мистера Ирвинга за рукав.

Тот отбросил вилку и нож, вытер губы салфеткой. За столом наступило молчание. Мистер и миссис Дэвидсон дружно жевали чизкейк, Алиша подливала мужу кофе.

Роб решил нарушить тишину.

– Мы с Лиз приглашаем всех пройти в гостиную. У нас есть важная новость.

Алексис почувствовала, как напряглась рука Мартина, которую она все еще держала в своей.

Мартин

Мартин не мог поверить, что происходящее в гостиной – реальность, а не сон. Роб только что объявил об их с Лиз помолвке. Сидящая рядом Алексис беспокойно поглядывала на него.

Все радовались предстоящей свадьбе, будто позабыв о том, что когда-то и Мартин объявлял в этой самой гостиной о том, что они с Лиз собираются пожениться. Бывшая избегала его взглядов. Улыбка Лиз сияла во все тридцать два зуба, когда Роб надел ей на палец кольцо с огромным бриллиантом. Мартину казалось, что у него сейчас голова лопнет от напряжения.

Алексис шепнула ему на ухо:

– Выйдем?

Мартин молча кивнул и встал. Алексис подхватила его под руку, и не успел он и рта раскрыть, как она произнесла:

– Прощу прощения, нам с Мартином нужно отлучиться на пару минут. Поздравляем!

Она потянула его к выходу.

Выйдя из дома, Мартин на мгновение закрыл глаза. Страшно хотелось что-нибудь съесть или выпить, но он спокойно подошел к бассейну и сел в шезлонг. Алексис села рядом.

– Можешь ничего не говорить, я не собираюсь лезть тебе в душу. Все и так ясно, – произнесла она, сбрасывая туфли.

Она забралась в шезлонг с ногами и принялась растирать ступни. Ее черное шелковое платье поднялось чуть выше колен.

Мартин потер глаза.

– Так заметно? – спросил он.

– Да. Особенно человеку, который только что сам пережил расставание.

Мартин откинулся назад.

– Ты хорошо держалась. – негромко сказал он и неожиданно добавил: – Спасибо, что увела меня отсюда. Я бы, наверное, сам не смог уйти.

– Обращайся, – усмехнулась Алексис.

Они молча сидели у воды, наблюдая за тем, как холодный белый свет в бассейне сменяется синим, снова и снова.

– Не знаю, как ты, а я хочу поплавать, – внезапно сказала Алексис.

– Тогда придется переодеться, – устало заметил Мартин.

Треск цикад убаюкивал его, и он уже подумывал о том, чтобы остаться ночевать у бассейна.

– Не-а, – ответила Алексис, – лень подниматься на второй этаж. Ваши владения настолько огромны, что я состарюсь, пока доковыляю до нашей комнаты. Тем более, что я натерла ноги ужасными туфлями.

Она вскочила и, разбежавшись, прямо в платье бомбочкой прыгнула в бассейн. Брызги разлетелись в стороны, окатили Мартина. Он с удовольствием подставил лицо влажным каплям.

29 декабря 2023

Алексис

Она накрыла голову подушкой, прячась от солнца, пробирающегося сквозь шторы. Маску для сна Алексис забыла дома (она всегда что-нибудь забывала) и теперь страдала от того, что не сможет проваляться в постели до полудня.

Разлепив веки, она резко села в кровати, вспомнив о том, что сегодня она ночевала в одной комнате с почти незнакомым мужчиной. Мартина на диване не оказалось, только идеально сложенное постельное белье и плед свидетельствовали о том, что ночью здесь кто-то спал. Алексис посмотрела на часы. Они показывали девять утра. Куда мог подеваться Мартин в такую рань?

За дверь, ведущей в ванную, послышался плеск воды.

– О нет! Нет-нет-нет, – застонала она, вновь падая на подушки. – Только не эта сцена, когда *он* выходит из душа, как в ромкомах...

В тот же момент дверь открылась, и Мартин вышел из ванной с повязанным вокруг бедер полотенцем. Алексис хотела бы сказать, что пыталась отвернуться, но это было бы ложью. Она целых пять секунд рассматривала его торс, по которому еще стекали капли воды, и влажные волосы, рассыпавшиеся по плечам, и лишь потом зажмурилась.

– Я ничего не видела, – прокричала она, выставляя руку вперед.

– Да-да, – хмыкнул Мартин. – Я думал, ты еще спишь.

Алексис спряталась под одеяло, завернувшись в него, как в кокон. Она услышала, как открывается и закрывается дверь гардеробной, а затем – скрип дивана.

– Можешь вылезать, – сказал Мартин.

В белом поло и светлых шортах он сидел на диване, завязывая шнурки на кроссовках. Его волосы вновь были стянуты в тугий хвост.

– Я иду на корт. Если хочешь, присоединяйся после завтрака. – сказал он.

Потом надел бейсболку, подхватил две ракетки, лежавшие на тумбочке, и вышел из комнаты.

Завтракала Алексис в одиночестве. Видимо, в доме Ирвингов было не принято подниматься раньше одиннадцати утра. Съев сырники и выпив стакан апельсинового сока, она направилась к корту.

Флоридское солнце нещадно палило, и Алексис пожалела о том, что не взяла с собой солнцезащитный крем. Завтра и руки, и плечи покраснеют.

Найти корт было нетрудно – он тоже находился за особняком; дорожка от бассейна вела прямо к нему. На бордовом резиновом покрытии, расчерченном белыми полосами, Мартин лупил ракеткой по мячу. Он мастерски отбивал, не давая себе ни секунды передышки. Хвост черных волос метался из стороны в сторону, бицепсы напрягались, и Алексис не могла не заметить, какие у Мартина жилистые и длинные ноги.

Он остановился, чтобы попить воды, и, заметив Алексис, махнул ей ракеткой:

– Присоединяйся!

Алексис отчаянно замотала головой. Она никогда не играла в теннис зимой. Она вообще никогда в него не играла.

– Не умеешь? – спросил Мартин, подходя ближе, и остановился, пропустив пальцы сквозь сетку, окружавшую корт.

– Ну... не то, чтобы совсем не умею, – промямлила Алексис. – Я просто хотела посмотреть...

– Понятно, – сказал Мартин. – Заходи. На мотоцикле гоняешь, а мячиком в лоб получить боишься?

– Звучит как вызов, – фыркнула Алексис и вошла на корт.

Она не умела даже правильно держать ракетку, поэтому Мартин начал с того, что показал ей правильную стойку.

– Повернись ко мне спиной, – скомандовал он.

Алексис, смутившись, повернулась. Она держала в руках ракетку с гасителем. Мартин объяснил ей, что эту резиновую штуку надевают на рукоять, чтобы снизить вибрацию струн во время удара.

– При приеме мяча ноги должны стоять на ширине плеч, согнутые в коленях, – объяснял Мартин.

Он положил свои руки поверх рук Алексис, державших ракетку, прижался грудью к ее спине. Она почувствовала его каменные мышцы. На первый взгляд Мартин казался худощавым, но был достаточно сильным. Он направил их руки вперед, помогая Алексис занять правильное положение.

– Ракетка всегда должна находиться по центру на вытянутых руках, чтобы при необходимости ты могла быстро сместить их вправо или влево для приема мяча, – говорил он.

Алексис не могла сосредоточиться, чувствуя спиной вибрации его низкого голоса. Она выдохнула, когда Мартин отстранился.

– Все поняла? – спросил он.

– Да, – сглотнула она.

– Хорошо, тогда сейчас я покажу, как подавать, и перейдем к игре.

Он отошел на противоположную от Алексис сторону и заговорил громче.

– Сначала нужно подбросить мяч, дождаться, когда он окажется в высшей точке, а затем с мощным взмахом послать его по диагонали на ту половину корта, где находится соперник.

И Мартин перешел к демонстрации того, что только что объяснил. Когда его ракетка коснулась мяча, тот тут же отлетел в сторону Алексис. Закрыв голову руками, она едва успела увернуться.

– Мяч нужно отбивать, а не убегать от него, Алексис, – рассмеялся Мартин.

Алексис не могла поверить: это и правда был смех, а не едва заметная улыбка или намек на нее.

Несколько часов спустя, когда Алексис совершенно выбилась из сил, у нее уже получались довольно сносные подачи. С приемом мяча пока наблюдались проблемы, но Мартин обещал в ближайшие два дня исправить положение.

Теннис действительно его увлекал. Было видно, что это занятие дарит ему настоящую радость.

Мартин

После обеда их с Алексис ожидала скучнейшая поездка на яхте в компании почти всех Ирвингов. Отец отказался участвовать, сославшись на то, что у него много работы.

Яхтой управляли родители Роба. Мать Мартина сидела в компании подруги Алиши и просекко. В последнее время она слишком к нему прирасталась, но, если Мартин пытался заговорить с ней об этом, тут же выходила из себя.

Роб и Лиз демонстративно целовались на носу яхты. Мартин старался избегать этого зрелища, опасаясь, что его стошнит.

Кого по-настоящему тошнило, так это Алексис. Мартин даже не подозревал, что ее может так укачивать на волнах.

– Дорогой, кажется, Алексис нехорошо! – заметила мать, полулежа на кушетке. – она вся позеленела. Ты что, не знал, что у нее морская болезнь?

– Я и сама не знала, миссис Ирвинг, – пробормотала позеленевшая Алексис.

– Даже не представляю, чем тебе помочь, – нахмурился Мартин, придерживая Алексис, перегнувшуюся через борт.

– Подержи мои волосы...

Мартин едва успел подхватить ее темные кудри, как устрицы и салат, которые Алексис съела на обед, отправились к рыбам.

Мартин вышел из спальни, только когда Алексис забылась беспокойным сном. Он заботливо накрыл ее одеялом и потрогал лоб, чтобы удостовериться: жара у нее нет. Мартин убеждал себя, что беспокоится о ней лишь потому, что она оказалась здесь по его просьбе.

Осторожно затворив дверь, он направился в гостиную... и обнаружил там отца. Тот сидел, закинув ногу на ногу, и курил сигару. Казалось, он только и ждал появления Мартина.

– Мне кажется, или вы с ней не пара? – спросил он, выпуская клубы дыма.

– *Мне кажется*, это не твое дело, – заявил Мартин, усаживаясь в кресло напротив.

– Мартин, мы же не слепые. Мать наблюдала за вами целый день, ты даже прикоснулся к ней боишься. Кого ты пытаешься обмануть?

– Мы пара, – твердо сказал Мартин.

– Ты всегда был упрямым, – проворчал отец. – Послушай, верни ее туда, откуда взял. Она совершенно тебе не подходит, даже слепой заметит, насколько вы разные.

– Я не нуждаюсь в твоих советах и замечаниях.

– Ты никогда в них не нуждался, и что теперь? Притащил домой какую-то сомнительную девицу. Тебе уже тридцать пять, пора взяться за ум!

– Довольно! – резко осадил его Мартин. – Мне действительно тридцать пять, и я сам решу, что мне делать со своей жизнью. Я не приму советов от человека, который принимает в своем доме того, кто увел девушку у его собственного сына.

30 декабря 2023

Алексис

Проснувшись, она услышала стук клавиш и сосредоточенное сопение. Мартин сидел на диване и что-то быстро печатал на своем ноутбуке. Алексис пошевелилась. Услышав шорох шелковых простыней, Мартин поднял голову.

– Доброе утро, – улыбнулся он. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. – Алексис поднесла ладонь ко рту, выдохнула и поморщилась. – А когда почищу зубы, буду вообще в полном порядке.

Она хотела выскользнуть из-под одеяла, как в дверь постучали.

– Тук-тук! Заботливая мамочка принесла вам завтрак, – пропела миссис Ирвинг за дверью.

– Черт! – прошипела Алексис, округлив глаза. – Мартин, давай сюда! Скорее!

- Сюда – это куда? – непонимающе произнес он.
- В постель, конечно! Мы же пара...
- Я вхожу-у-у... – завывала миссис Ирвинг.
- Ну же! – Алексис похлопала по кровати рядом с собой.

Мартин, ошалело глядя на нее, захлопнул ноутбук и нырнул под одеяло. Алексис закинула на него ногу и обвила его шею рукой.

– Замри! – шепнула она, стянула резинку с его длинных волос, с удивлением отметив, какие они мягкие, и разметала их по подушке так, словно он только что проснулся.

Дверь распахнулась, и миссис Ирвинг, не дожидаясь разрешения, вошла в комнату. В руках она держала поднос. То, что она увидела, ее явно расстроило. Очевидно, она ожидала застать их спящими раздельно – это Алексис поняла по разочарованию в ее глазах.

– Доброе утро! – елейным голосом произнесла она. – Так приятно, когда будущая свекровь приносит завтрак в постель!

– Будущая кто?.. – поперхнулась от неожиданности миссис Ирвинг.

Мартин едва сдерживал улыбку. Освободившись из объятий Алексис, он поднялся и забрал у матери поднос.

– Благодарю, – сказал он.

– Не присоединитесь? – спросила Алексис, откусив большой кусок круассана.

– Нет-нет, – замотала головой миссис Ирвинг. – Я... вы... Мы собираемся в город по магазинам. Не хотите составить нам компанию?

– Алексис не любит шоппинг, – заявил Мартин. – Мы останемся дома.

Алексис удивилась. Шоппинг она любила и, возможно, с удовольствием посетила бы парочку магазинов, но что-то в тоне Мартина подсказывало, что нужно ему подыграть.

– Да, нам хочется побыть наедине. Сами понимаете... – И она подмигнула миссис Ирвинг.

Та захлопала глазами с густо накрашенными ресницами и пробормотала:

– Да, конечно, понимаю... Хорошо вам провести время.

Она выскочила за дверь, и Алексис тут же пожалела о своей выходке.

– Мартин, слушай, извини... – заговорила она. – Я не хотела так ее смущать. Просто их отношение к тебе...

– Все в порядке, – сказал Мартин. – Ты все сделала правильно.

– Серьезно? – нахмурилась Алексис.

– Вчера они нам не поверили. Мать наблюдала за нами, – пояснил Мартин. – Так что ты все сделала правильно. К тому же у меня есть на тебя планы.

– Ого! – Алексис отхлебнула кофе. – Опять придется наряжаться? Я не выдержу еще одного дня в этих адских туфлях...

– Одеться нужно для поездки на байке, – улыбнулся Мартин. – Хочешь прокатиться на «Дукати Диавель»?

Мартин

Он снова держался за талию Алексис, уверенно рулившую мощным байком. Когда среди отцовской коллекции машин она увидела этого красного «зверя», ее глаза вспыхнули от восторга. Сердце Мартина предательски затрепетало в груди.

Он не планировал показывать ей мотоцикл, и уж точно не планировал вновь оказаться пассажиром. Но в эти выходные все пошло не по плану...

Алексис выкрутила ручку газа, и Мартину пришлось сильнее прижаться к ее спине. Алексис вошла в крутой поворот. Он был готов поклясться, что услышал ее восторженный возглас.

Мартин махнул рукой, призывая Алексис продолжать движение прямо, и некоторое время спустя они оказались на пустынном пляже. Это место Мартин заметил еще в прошлое посещение Бока-Ратон, когда искал, где скрыться от надоедливых родственников. На машине подъехать сюда было трудно, немалую часть пути пришлось бы пройти пешком, но на мотоцикле они подъехали почти к кромке воды.

Алексис поставила байк на подножку, сняла шлем и взъерошила непослушные кудри.

– Вау! Просто вау! – выдохнула она.

– Нравится? – спросил Мартин и окинул взглядом синюю гладь океана.

– Спрашиваешь! Я в восторге! А тебе понравилось кататься не в розовом шлеме? – подколола его Алексис.

Мартин неопределенно хмыкнул. Он достал из рюкзака плед и расстелил на песке. Алексис тут же уселась, подтянув ноги к груди и обхватив их руками. Океан отражался в ее карих глазах, и Мартин невольно залюбовался. Он сел рядом, и Алексис смутилась, заметив его пристальный взгляд.

– Мы приехали на пикник? – спросила она.

– Нет, мы будем работать.

– Работать? Как скучно... – застонала Алексис.

– Ты приехала во Флориду со мной – выполнила свою часть уговора. Теперь я должен выполнить свою. Я прочитал твою книгу и сделал некоторые пометки, на которые стоит обратить внимание, – произнес Мартин, борясь с желанием коснуться лица Алексис, поправить непослушную прядь ее волос.

Вместо этого он достал из рюкзака серебристый ноутбук и протянул его Алексис. Она замотала головой, отодвигая его руку.

– Но я же еще не отправляла тебе рукопись. Значит...

– Ради интереса я решил проверить, не присылала ли ты рукопись в наше издательство. Оказалось, что присылала, но кто-то уже направил тебе отказ. После праздников я выясню, кто отклонил такую отличную рукопись... И, видимо, нужно что-то поменять в издательстве. Кто знает, сколько талантливых авторов мы упустили...

– Отличную рукопись?..

– Да. Хороший слог. Интересный, неизбитый сюжет, но знаешь... Чувствуется подражание Донне Тартт. Сразу понятно, кто твой любимый автор. И какой ее роман – твой любимый.

– И какой же? – разозлилась Алексис.

– «Щегол». Угадал?

– Да. – буркнула она.

– Исправь то, о чем я написал в заметках, и получится прекрасная книга, – спокойно сказал Мартин. – Главное – найди свой неповторимый стиль, а не подражай кому-то. Я уважаю творчество Донны Тартт, но ты – не она. Ты – Алексис Ривер.

– Ладно, давай сюда свой ноут.

До вечера они просидели на пляже, обсуждая роман Алексис. Они спорили и смеялись, ругались и дурачились, и не заметили, как солнце начало клониться к закату. Настала пора возвращаться. Работа была еще не закончена, но Алексис не переставала благодарить Мартина. Казалось, у нее открылось второе дыхание. Мартин впервые видел ее такой счастливой.

Алексис

Мартин уже битый час ворочался на скрипучем диване, не давая Алексис заснуть – а ведь она мечтала об этом с того самого момента, как они вернулись с пляжа. Работа над книгой и долгая поездка на мотоцикле утомили ее ум и тело, но усталость была приятной.

– Мартин! – прошептала она, снова услышав скрип дивана, и села. – У тебя там все в порядке?

– Спина болит, – ворчливо отозвался он. – Этот диван меня доконает. И на мотоцикле сидеть было неудобно.

– Ты ведь сам предложил на нем поехать!

– То есть, я же и виноват? – ядовито спросил Мартин.

Алексис откинулась на подушки и вздохнула. Диван снова жалобно скрипнул. Послышалось недовольное сопение. Она прикусила губу, споря с самой собой.

«Но это только потому, что он мешает мне спать!» – в конце концов твердо заявила она себе. Ничего страшного не случится, если они заснут в одной постели. Завтра новогодняя вечеринка, а 1 января дневным рейсом из аэропорта «Палм Бич» они вернутся в Вашингтон.

– Мартин! – снова прошептала Алексис.

– Что? – не сразу отозвался он.

– Залезай в кровать.

Он закашлялся. Пружины заскрипели еще сильнее. Из-за спинки дивана показалась лохматая голова Мартина.

– Долго смотреть будешь? – Алексис сама не могла поверить, что это сказала.

– Ты уверена? – спросил он внезапно охрипшим голосом.

– Я же просто поспать предлагаю, а не то, о чем ты, возможно, подумал! – возмутилась Алексис. – Тут места на четверых хватит.

Мартин медленно поднялся. На нем были пижамные брюки в черно-белую клетку и черная футболка. В глазах отражался свет луны, пробивающийся сквозь неплотно закрытые шторы. Кожа его казалась такой белой, а волосы были такими длинными, что он казался каким-то мифическим существом, а не обычным мужчиной из плоти и крови.

– Предложение ограничено по времени, – сказала Алексис. – Еще десять секунд, и останешься на диване.

Он молча подошел к кровати, сел. Закинул сначала одну ногу, потом вторую – будто давая Алексис время передумать, но та уже натянула одеяло до подбородка. Мартин лег рядом, вытянув руки по швам, как солдат в казарме, и уставился в потолок. Затем повернул голову к Алексис.

– Спокойной ночи... Мартин, – прошептала она.

– Спокойной ночи, Алексис.

Она закрыла глаза и отвернулась. И через минуту заснула, слушая ровное, успокаивающее дыхание Мартина. В эту ночь, впервые с того злополучного дня, ей не приснился Дерек.

31 декабря 2023

Мартин

На пальмах вокруг бассейна сияла мишура и разноцветные фонари, праздник должен был состояться у воды. Утро Алексис провела, редактируя свою книгу на его ноутбуке, а после обеда они вдвоем помогли готовиться к вечеринке. Удивительно, но даже родители Мартина сегодня удерживались от едких замечаний.

Оказалось, что Алексис, как и Мартин, совершенно не понимает, как можно праздновать новый год и Рождество там, где настоящей зимы не бывает, и оба скучают по Вашингтону. Весь день они провели вместе, без умолку болтая – говорили обо всем, от политики до современного искусства.

Прекрасный день не смогли испортить ни Роб и Лиз, ни толпа соседей, которых Мартин терпеть не мог. Отметив свое приподнятое настроение, он подумал, что, возможно, вечером даже потанцует.

Празднование Нового 2024 года в особняке Ирвингов должно было вот-вот начаться. Мать Мартина, Алиша и родители Дерека свою вечеринку у бара начали уже в восемь часов вечера. К десяти собрались остальные гости, и приглашенные бариста не успевали справляться с заказами, сооружая все более немислимые коктейли. Официанты разносили закуски и напитки, диджей включал легкую музыку, люди, рассевшись вокруг бассейна на шезлонгах и стульях, вели светские беседы. Совсем скоро вечеринка перестанет быть томной, но этого момента Мартин дожидаться не хотел.

Кто-то положил ему руку на плечо.

– Не можешь найти свою девушку? – спросил отец, выпуская дым ему в лицо.

Мартин дернул плечом, сбросив его руку.

– Кажется, ты говорил, что мы не пара, и я вас обманываю?

– Все ошибаются, и я тоже. Видел сегодня, как ты на нее смотришь. Такой взгляд подделывать трудно.

Мартин зажмурился. Как это вышло – даже отец заметил, что он равнодушен к Алексис, а сам он не мог себе в этом признаться?

– И прости за Роба, – помолчав, произнес отец. – Это последний праздник, который он проводит в этом доме.

Не дожидаясь ответа, – в этом они с Мартином были похожи, – отец похлопал его по спине и растворился среди гостей.

Мартин огляделся по сторонам – Алексис нигде не было видно. Он поднялся в их комнату, но ее не было и там.

– Черт, – послышалось из гардеробной.

– Алексис?

– Мартин, я тут. Пытаюсь застегнуть это дурацкое платье.

Что-то с грохотом упало и покатилося по полу. Из гардеробной донеслось несколько ругательств. Алексис не стеснялась в выражениях...

– Мартин, не мог бы ты мне помочь! – жалобно позвала она.

Мартин нервно сглотнул, одернул рукава пиджака. Затем осторожно толкнул дверь и вошел в большую и светлую гардеробную. Алексис стояла посередине и пыталась застегнуть на спине молнию платья-футляра винного цвета. Выглядела она в нем просто великолепно.

Мартин застыл, не в силах оторвать взгляд от ее обнаженной спины.

– Ты чего там застрял? – проворчала Алексис и обернулась.

Их глаза встретились, и Мартин понял, что... влюбился. Хоть и пытался убедить себя, что это не так. Ее длинные ресницы, карие глаза, темные волосы, заколотые золотым гребнем, красная помада на губах, все это заставляло его сердце трепетать. Он кашлянул и, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно, сказал:

– Поворачивайся, я застегну.

Алексис, коротко вздохнув, кивнула. Подойдя к ней, он свел вместе края платья, молния с коротким «вжух» взлетела наверх. Замерев на секунду, Мартин нерешительно положил руки на плечи Алексис, готовый тут же убрать их. Она, не оборачиваясь, накрыла их своими ладонями.

А потом повернулась. Она смотрела на Мартина снизу вверх. Ее дыхание сбилось, губы приоткрылись, и если бы он сейчас ее не поцеловал, то потом никогда бы себя не простил. Поэтому Мартин наклонился и накрыл ее губы своими. Его рука опустилась на талию Алексис, он привлек ее к себе, она подалась вперед, запустила пальцы в его распущенные волосы... Поцелуй длился всего несколько секунд, Алексис отстранилась первой. Смущенно отступила и спросила:

– Теперь пойдём к остальным?..

31 декабря 2023

Алексис

До полуночи оставалось всего десять минут. Как только они с Мартином спустились вниз, Алексис тут же бросилась к бару, сказав, что очень хочется пить... И до сих пор не вернулась к бассейну.

Она не знала, что теперь делать. Этот поцелуй заставил ее почувствовать что-то... новое. Губы все еще горели, и она, сама не сознавая, что делает, коснулась их пальцами. Алексис до сих пор ощущала запах его духов. Что это было? Сандал? «Не ври хотя бы себе, ты хотела остаться в гардеробной и целоваться с ним до рассвета», – подумала она.

В панике она настроила десять сообщений Шону с жалобным: «Я поцеловалась с Мартином, помоги!», но на Гавайях уже было почти шесть утра, и Шон на сообщения не отвечал.

Гости уже начали собираться у елки и зажигать бенгальские огни. Диджей включил трансляцию с Таймс-сквер; вот-вот должен был начаться обратный отсчет и наступить новый год.

Алексис почувствовала чье-то едва заметное прикосновение.

– Я напугал тебя? – печально спросил Мартин.

– Нет, нет! Что ты...

– Ты избегаешь меня весь вечер, – заметил он. – Если хочешь, можем не вспоминать об этом... недоразумении.

– Мартин, я...

– Ничего не говори, – покачал головой он. – Пойдем встретим 2024-й год.

Они молча направились к гостям. Алексис пыталась улыбаться, но получалось плохо. Поздравления, сыпавшиеся отовсюду, сводили с ума. Единственное, что она видела сейчас – сосредоточенное лицо Мартина, который смотрел под ноги так внимательно, будто на плитке было написано длинное уравнение, и он был занят его решением.

Кто-то сунул ей в руку зажженный бенгальский огонь. В другую – бокал, стали наливать шампанское, облили ей и пальцы, и туфли. Искры шипели, разлетаясь во все стороны. Из колонок звучал захлебывающийся голос ведущего, «АВВА» запела свою легендарную «Happy New Year».

Гремела музыка, звенели бокалы, незнакомые люди трясли и обнимали Алексис, поздравляя с Новым Годом. Потеряв Мартина из виду, она запаниковала. Внезапно чья-то сильная рука вырвала ее из цепкой хватки чрезмерно веселой миссис Ирвинг.

– Сейчас начнется фейерверк, – сказал Мартин и тут же выпустил руку Алекс, словно боялся причинить ей боль.

Разноцветные всполохи озарили небо. С грохотом взрывались и разлетались на тысячи осколков синие, фиолетовые и розовые звезды. Алексис обожала фейерверки. Она, как замороженная, смотрела на яркие огни, не в силах отвести взгляд. Гости аплодировали, и она тоже захлопала.

– Мартин, – она вдруг повернулась к нему и выпалила: – Я не считаю наш поцелуй недоразумением.

Она обвила его шею руками и впиалась в губы.

Январь 2024

Мартин

2-го января ему пришлось на целых две недели улететь в Нью-Йорк в командировку. Он предложил Алексис поехать вместе с ним, но она отказалась. Нужно было как можно быстрее найти новую квартиру: она не хотела обременять Шона своим присутствием. Им с его девушкой и так было тесновато в квартирке на окраине Айви-Сити. Поэтому Алексис осталась в Вашингтоне.

Они с Мартином переписывались каждый день. Не то чтобы он был любителем онлайн-общения, но с Алексис по-другому не выходило. Она круглосуточно присылала сообщения со смайликами и гифками, и Мартин нехотя тоже начал отправлять сердечки в ответ.

В первую неделю они каждый вечер созванивались и часами обсуждали все на свете. Алексис даже показала ему по видеосвязи квартиру, которую собиралась снять. Хозяйка решила перевезти туда вещи, хотя Алексис еще не внесла полную сумму.

Но в последнюю неделю Алексис стала писать все реже, а за два дня до возвращения Мартина и вовсе пропала. Он надеялся, что это как-то связано с переездом – возможно, у нее просто нет времени, но сидя в самолете, который вот-вот должен был приземлиться в Вашингтоне, Мартин чувствовал волнение.

Приехав домой, он еще раз позвонил Алексис. Но никто ему не ответил. «Наверняка потеряла телефон», – успокаивал он себя. За две недели Мартин узнал, что Алексис – одна из самых рассеянных девушек на свете, поэтому велика была вероятность, что она, например, разбила свой мобильник.

Мартин хорошо помнил, где находился дом друга Алексис. Когда он, держа в руке огромный букет из сотни красно-желтых роз, позвонил в квартиру Шона, его уже терзали подозрения, но он гнал их прочь.

Открыли ему не сразу. Послышалось звяканье цепочки, шелканье замка, и наконец в дверном проеме появился рыжий и веснушчатый парнишка в кислотно-зеленой футболке, на голову ниже Мартина. Он хотел тут же захлопнуть дверь, но Мартин успел сунуть ногу в щель.

– Вы – Шон? – уточнил он.

– Ага, – тот поскреб подбородок. – А вы – Мартин...

– Верно. Никак не могу дозвониться Алексис. Вы случайно не знаете, где она?

– Ну, тут такое дело... – замялся парень. – Она вроде как вернулась к Дереку и просила не искать ее. Сказала передать вам, если придете.

Мартину показалась, что в груди у него растекается расплавленное железо. Дышать стало трудно. Уперевшись ладонью в стену, Мартин пытался собраться с мыслями. В ушах стоял звон.

Дверь открылась чуть шире. На Мартина уставилась высокая худощавая блондинка с вытянутым лицом.

– Эт чо, тот самый? – ахнула она. – Вот это букетище...

– Лола! – одернул ее Шон.

– А чо, я просто сказала, – закатила глаза девушка. – Еще и на Нео из «Матрицы» похож...

Не знаю, зачем она к этому придурку вернулась, если бы мой бывший сломал ногу, я бы и не подумала его жалеть...

Нелепая болтовня блондинки привела Мартина в чувство. Он выпрямился и расправил плечи, перебив ее.

– Нравится букет? – спросил Мартин.

– Ага! – кивнула она, – Клевый!

– Тогда это вам.

Он всучил цветы ошарашенной девушке и стремительно сбежал вниз по лестнице.

Февраль 2024

Алексис

Сразу после Нового Года позвонил Дерек. Он вернулся с горнолыжного курорта с ногой, сломанной в нескольких местах, новая пассия его бросила, и он лежал дома один, беспомощный и мрачный. Алексис тут же помчалась на помощь. Она налаживала его быт – Дереку предстояло несколько месяцев оставаться в гипсе, – подбадривала его, уверяя, что все не так плохо, и он справится... А потом Дерек вдруг снова признался ей в любви, умолял вернуться к нему, клялся, что осознал, какую чудовищную ошибку он совершил... Теперь-то он понял, как ему дорога Алексис. Как важна она для него.

Алексис засомневалась. На одной чаше весов оказались новые, яркие чувства, которые она поделила с Мартином, в то же время – и неизвестность. На другой – Дерек, который, как ей казалось, отчаянно нуждался в ее помощи, и привычные отношения, которые, наверное, можно было восстановить.

Лишь спустя два месяца Алексис призналась себе, что в тот момент, когда она приняла решение вернуться к Дереку и заблокировала номер Мартина, она просто испугалась. Испугалась себя, своих чувств, будущего, которое предстояло строить собственными руками. Она вернулась к привычному образу жизни – кофейня-Дерек-дом, – но быстро поняла, что больше так не сможет.

Роман с Дерекком себя исчерпал. Он пытался пробудить в ней жалость, но добился противоположного эффекта. Вскоре Алексис почувствовала к нему отвращение. Нет, отношения с Дерекком – это не для нее. Когда она сообщила ему, что их история подошла к концу, Дерек взбесился и наговорил ей гадостей. Алексис внимательно слушала его, пока он не выдохся. А потом навсегда ушла из его жизни.

В кофейню возвращаться не хотелось. В январе ей удалось скопить немного денег, а еще ее неожиданно поддержала мать – в том числе и финансово. К удивлению Алексис, в истории с Дерекком она приняла ее сторону.

Алексис уволилась из кофейни, сняла ту самую квартиру, которую нашла, вернувшись из Флориды, и начала жизнь с чистого листа. Одна.

Она с головой ушла в свои тексты. Весь последний месяц она писала новую историю. В октябре она собиралась поступить в Университет Вашингтона, один из самых старых и крупных университетов на западном побережье, и теперь усиленно готовилась к экзаменам.

За эти два месяца не проходило и дня, чтобы она не вспоминала о *нем*. Он не только готов был помочь ей с книгой, он дал ей больше. Гораздо больше...

Сколько раз Алексис брала телефон, чтобы позвонить, и снова откладывала. Она была уверена, что Мартин ее не поймет и не простит. Она бы не простила.

Тот текст, что она переписывала и редактировала на ноутбуке Мартина, так у него и остался. Она не стала возвращаться – ни к Мартину, ни к своей первой книге.

4 марта 2024

Алексис

Утром на телефоне Алексис всплыло уведомление о том, что в почте появилось новое письмо, но она не обратила на него внимания. Весь день она была в разъездах – устроилась

в службу доставки, чтобы оплачивать занятия с преподавателем словесности. Ей нравилось целый день кататься по городу на мотоцикле, это здорово помогало проветрить голову.

Вечером, вернувшись в свою квартиру в районе Адамс Морган, Алексис бросила кожаную куртку на пол и прошла на кухню. За день накопилось много сообщений, и теперь она собиралась прочитать их все. Усевшись на стул и подогнув под себя ногу, она впилась зубами в яблоко, открыла ноутбук и залезла в почту.

В глаза ей сразу бросилось письмо от «Скуэр Пресс». Сердце забилось так, что, казалось, еще чуть-чуть – и оно выпрыгнет из груди. Алексис приложила руку к губам, пытаясь успокоиться. Она открыла письмо и прочитала:

«Уважаемая Алексис Ривер!

Мы рассмотрели ваш роман «Туманный Хилл-стоун» и готовы заключить с вами контракт. Предварительный вариант договора – во вложении к этому письму. Просим ознакомиться с ним. Любые вопросы, комментарии и уточнения мы готовы обсудить в переписке. Подписанный договор отправьте на адрес издательства.»

Далее следовал адрес офиса «Скуэр Пресс» и подпись:

«С наилучшими пожеланиями, главный редактор “Скуэр Пресс” Мартин Ирвинг»

5 марта 2024

Мартин

– Мартин, тут к вам какая-то девушка с самого утра пытается прорваться. Пропустить? – спросила Рене, секретарша Мартина.

– Я не принимаю посетителей, – ответил Мартин.

– Она говорит, что это очень важно. Я уже сообщила ей, что без предварительной записи попасть к главному редактору невозможно, но она не хочет уходить!

– Все вопросы в письменном виде, – холодно проговорил Мартин.

– Просит сказать, что ее зовут Алексис Ривер.

Сердце Мартина дрогнуло. Он потер переносицу и положил трубку.

– Мартин? Мартин, вы здесь? – надрывалась Рене. – Она говорит, что если я ее не пушу, будет сидеть здесь, пока вы не выйдете. Эй! Эй, вы куда?!. Стойте!..

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела Алексис. В одной руке она держала шлем, на другой повисла Рене со сбившейся прической.

– Вам же сказали: я не принимаю посетителей, – произнес Мартин, глядя Алексис в глаза.

– Даже авторов издательства? Я приехала подписать договор и обсудить условия, – Алексис вырвалась из хватки Рене.

– Все вопросы мы обсуждаем только в переписке. Пишите на адрес, указанный в письме, которое вы получили.

– А я хочу подписать все в офисе.

Алексис прошла к креслу рядом со столом Мартина, уселась и положила бумаги на стол. Закусив губу, она смотрела на него так, словно вот-вот заплачет.

Он мог выгнать ее. Но не стал.

– Рене, выйдите, пожалуйста, – обратился Мартин к секретарше.

Та кивнула, бесшумно покинула кабинет и осторожно закрыла за собой дверь.

Мартин посмотрел на Алексис:

– Зачем ты пришла? Книга будет издана – все, как ты хотела. Я сделал даже больше того, о чем мы договаривались. Все честно. Необязательно было являться в издательство... с такими спецэффектами.

– Мне нужно было увидеть... тебя, – прошептала Алексис.

– Только сейчас? А раньше не нужно было? – невесело усмехнулся Мартин. – Уходи, Алексис.

– Нет, – покачала головой она и смахнула слезу, катившуюся по щеке. – Не хочу уходить. Я сделала глупость, потому что боялась. Но больше не боюсь. То решение было одним из худших в моей жизни. Мартин, прошу тебя...

– Пожалуйста, уходи, – повторил он, чувствуя, что его голос вот-вот дрогнет.

– Прости меня... Я такая дура! Я все исправлю, обещаю, только дай мне еще один шанс. Не было и дня, чтобы я не думала о тебе!

Она хотела коснуться его, но Мартин медленно убрал руку со стола.

– Я тоже думал о тебе, Алексис, но я... не могу, – вздохнул он. – Мне жаль.

Алексис вытерла мокрые щеки рукой и встала. Взяла со стола пакет с документами, сунула во внутренний карман куртки и направилась к двери. Остановилась, словно хотела сказать что-то еще, но передумала. Схватила шлем, который бросила у двери, и выбежала из кабинета.

Мартин потер лицо рукой. Несколько раз стукнул себя кулаком по лбу.

– Идиот, идиот... Ты же мечтал, чтобы она пришла, – бормотал он.

Одним движением он сбросил на пол все со стола. На грохот прибежала Рене. Окинув взглядом разгром, царящий в кабинете, она помолчала, а потом неожиданно спросила:

– И что, вы вот так и позволите ей уйти?

Алексис

Слезы все не останавливались. Люди, спешившие в скучные офисы, оглядывались, но Алексис было все равно. Резким движением она надела шлем. «На что ты вообще рассчитывала? Ты сама ушла от него! Теперь страдай, глупая, глупая Алексис!» – повторяла она про себя.

Она перекинула ногу через седло мотоцикла. Сейчас ей хотелось одного – выехать на трассу и полететь с такой скоростью, чтобы не думать о Мартине. Не думать вообще ни о чем. Она несколько раз прокрутила ручку газа, мотор зарычал. Алексис всхлипнула, чувствуя, как намокает подкладка шлема. Ехать в таком состоянии было просто опасно. Она ударила рукой по баку, вымещая на нем всю свою боль.

– Дура-дура-дура... – заревела она.

– Я бы не стал избивать несчастный мотоцикл, нам ведь на нем еще ездить, – услышала она знакомый низкий голос за спиной.

Позади, в лучах весеннего солнца, сунув руки в карманы идеальных черных брюк со стрелками, стоял Мартин.

Он подошел к ней почти вплотную. Неуверенно, словно спрашивая разрешения, обвил талию рукой.

– Мартин... – прошептала Алексис голосом, охрипшим от рыданий. – Прости... я...

Она вцепилась в его пиджак так, будто он был призраком и в любой момент мог исчезнуть.

– Тише, – остановил ее Мартин. – Нужно снять шлем, ведь в нем я не смогу тебя поцеловать.

Капля древнего волшебства. Анна Сешт, Олег Крамер

*And I have been your constant guide,
From your caves on the mountainside,
We have walked hand in hand...¹¹*

– Фу, Пончик! Отойди от него. Фу!

Брезгливо морщась, средних лет дама оттащиwała кругленького мопса в синем комбинезоне от примостившегося на углу магазина мужчины, кутающегося в ворох грязного тряпья.

Мужчина усмехнулся. Этот пёс уже на много поколений отошёл от своих древних предков, а всё-таки чуял его. Тянулся к нему так же, как не менее древние предки этой женщины тянулись к теплу огня.

Он выдохнул, и дыхание белым облаком коснулось плоской мордочки пса. Пончик наострил уши, блаженно прищурился, чихнул... и тут же оказался на руках у хозяйки. Причитая что-то про инфекции, приближающийся Новый Год и дармовые напитки, которыми явно злоупотребляли подозрительные граждане вроде этого, женщина понесла своего пёсика подальше от бездомного бродяги. Мопс, как будто извиняясь, смотрел поверх её плеча, явно понимая чуть больше.

Все собаки города чуяли его так же остро, безошибочно.

Потому что он и *был* их Городом, а на гербе с полузабытым смыслом был изображён он сам. Чёрный косматый Пёс, похожий на волка.

Пёс был очень стар. Люди почти забыли его. А вот он помнил, как принял эту форму, как вышел к их кострам и пещерам впервые, разбиваясь на целую стаю воплощений. Тогда ещё люди не дали ему имени, потому что только учились давать имена друг другу и всему, что их окружало. Учились приручать пламя и приручать зверя, здесь и в других уголках света. Тогда-то и был заключён Договор, о котором теперь, конечно, они тоже едва ли помнили.

Теперь они стали совсем другими – не охотились больше по окрестным лесам, не договаривались с духами. Очерчивали границы и селились в них, добывая себе пищу иначе. Инстинктивно жались к его, Пса, сердцу, успев позабыть, почему же так повелось и почему здесь было так безопасно. От древних пещер к первым стойбищам. От стойбищ – к поселениям. От поселений – к нему нынешнему, к Городу, выросшему на Месте Силы.

Пёс чуть улыбнулся, вздохнул, наблюдая, как снуют люди, входя в магазин и выбегая из него, гружённые праздничной снедью. Близилось время особого волшебства, когда его улицы украшались ожерельями огней, а за стеклом вырастали нарядные деревья – ритуал, смысл которого большинство жителей тоже уже подзабыли, окружив новыми традициями.

Повалил снег, укрывая его колдовской пеленой. Он хотел уже было подняться, встряхнуться, разбиться призрачной стаей да поразмять затёкшие лапы.

Кто-то поставил перед ним целый пакет угощений – чуть в сторонке, опасно. Ага, не всё подзабыли. Немного доброты – для собак, для детей, для бездомных, чей облик был одним из его изблюбленных. Улыбка Пса стала шире, и он подвинул к себе пакет, сунул туда нос, принялся.

Тихий скрип снега под чужими лёгкими шагами...

¹¹ Из песни “Antlered Crown” авторства Damh the Bard. «И я был вашим неизменным проводником, ещё со времени ваших пещер на горных склонах. Мы шли рука об руку...»

Он наострил уши, но не поднял голову, уже зная, кто идёт. Глянул коротко исподлобья на изящные сапожки, остановившиеся напротив, на немислимые модные шпильки. Их обладательница словно не страшилась гололёда под обманчивым покрывалом снега. Края ассиметричной шерстяной юбки внахлёт колыхнулись, когда она сделала шаг ближе. Мелодично звякнули браслеты, когда к нему потянулась изящная смуглая рука.

– Ну что же ты сидишь? – мурлыкнула она. – Пойдём, прогуляешься со мной. Угостишь.

– Ишь какая, – Пёс хитро прищурился, глядя на неё. – Это мои подношения.

– Тем слаще, если их разделить, – улыбнулась Кошка.

Зелёные глаза блеснули под прядями длинной чёрной чёлки, припорошенной снегом.

Плотный палантин едва защищал её.

Кошка нетерпеливо притопнула ножкой.

– Пойдём-пойдём!

– В Парк Жертвоприношений?

– В Парк, – довольно подтвердила она и поморщила носик. – Только облик смени, чтобы мне под стать. Тот, что я люблю.

Усмехнувшись, он исполнил её каприз. Город вообще любил необычных гостей, и эту – особенно, так почему бы не потакать самую малость их прихотям? Тем более что это было ему совсем несложно.

И когда хозяйка Пончика вернулась в магазин, чтобы докупить забытую банку зелёного горошка, она уже не увидела так испугавшего её бездомного. По заснеженной аллее удалялась парочка – экзотически одетая в стиле бохо молодая женщина, державшая под локоть элегантного господина в тёмном драповом пальто. В свободной руке он нёс кажущийся таким неуместным пакет с характерным логотипом.

Пёс махнул рукой, и снег закружился, взлетая со скамейки искрящимся смерчем. Кошка улыбнулась, присела, приглаживая длинную юбку, и закинула ногу на ногу. Фонарный свет проливался колдовским золотом сквозь тёмные припорошенные ветви. Загадочные синеватые тени протягивались по аллеям, с любопытством принимались, но не решались приблизиться к хозяину и его госте.

Город чуть улыбался, прислушиваясь к разговорам случайных прохожих, к музыке с катка вдалеке, на площади, где его люди уже успели нарядить Древо. Пусть они плохо помнили, зачем, а всё ж по-прежнему наряжали, повязывали ленточки и загадывали желания. Некоторые он даже исполнял – почему нет? А некоторые исполнял даже не он...

Парк этот жители звали просто Парк, вот так, с заглавной буквы, потому что место здесь было особое. И только некоторые старики или, наоборот, увлекающаяся прошлым молодёжь добавляли, как он сам: «жертвоприношений». Когда-то здесь располагалось его, Пса, капище, на которое пытались посягать и другие.

Уж сам-то Пёс хорошо помнил, как всё здесь было прежде устроено, до того, как он стал Городом. Да и жертвы тогда приносили другие – не лакомствами и не ленточками расплачивались, ведь не со всеми сущностями можно было договориться так же легко, как с ним, с защитником. Он тоже был когда-то диким и пугающим, но ему полюбились эти любопытные немного несуразные создания, которых обожали его дети. И Пёс отгонял Тех, кто приходит из тьмы, от крохотных перед ликом древнего леса мерцающих костров. Путал следы, уводя хищников, умиряя воюющие ледяные ветра и смертоносные вьюжные стаи. Договаривался с Древними, которые и вовсе не слишком любили принимать понятный людям облик, но которых люди тоже чтили и боялись.

Теперь остались лишь отголоски традиций.

– Что, и дев прекрасных больше не приводят к твоим камням? – усмехнувшись, спросила Кошка, порылась в пакете и достала ароматный хлеб, уже успевший остыть.

– Да где уж те камни, – беззлобно отмахнулся Пёс, вскинул голову, глядя на переплетение ветвей аллеи.

– Ух ты, конфетки, мррр... так, а это... фу, ну кто такое пьёт! А нет, это вроде неплохое... О! – она достала со дна несколько мандаринов и покатила между ладонями золотые шарики.

– Ага, – усмехнулся Пёс. – С некоторых пор у них без этого не обходится ни один праздник.

– Хотя, казалось бы, совсем не из наших с тобой краёв, – хмыкнула Кошка, отложила мандарины и надкусила хлеб. – Мои люди когда-то пекли больше ста видов хлебов, – протянула она, мечтательно жмурясь. – Для празднеств и погребений, к столу или на торг, самых разных форм и размеров. Ах, какие они устраивали праздники! Что за веселье – звон музыки над водой, весёлые песни... ну вот почти как эти, – она кивнула в сторону площади и надкусила ещё.

Кошка когда-то тоже была Городом – из тех древних, исчезнувших. Росла, раскинувшись по обоим берегам Великой Реки. Ей поклонялись, её чтили, но всё это, наверное, было так же давно, как и костры у пещер в его окрестностях. Гости у него, Кошка приносила с собой лёгкий речной ветер и изысканные полузабытые ароматы, которых не было на его улицах, и перезвон музыкальных инструментов, которых он никогда не слышал. А ещё – множество историй, собранных ею когда-то или придуманных прямо по пути.

– Обмельчали теперь люди, обмельчали... Разве чета они моим жрецам или этим твоим, как их...

– Да не так уж они и плохи.

– Снова поспорим? – усмехнулась Кошка. – Покажешь мне кого-нибудь достойного, и я останусь с тобой на все праздники. А может быть, даже чуть дольше. Идёт? – она протянула руку, в другой всё ещё удерживая хлеб. Мандарины поблёскивали круглыми золотистыми боками рядом, олицетворяя собой предвкушение праздника.

Пёс не слишком верил её словам – она же была *Кошка*. Кто на свете вообще верит кошкам? Но ему и правда нравилось, когда эта Кошка гостила у него, а впереди их ждал канун Дней Силы, особого времени. *Его* времени.

– Идёт, – хмыкнул он и легонько сжал её изящные пальцы в затянутой в перчатку широкой ладони.

* * *

«Слава всем богам, эта бесконечная смена закончилась», – счастливо подумала Катя, останавливаясь у подъезда.

Снежинки, вторя музыке ветра, кружились, спускались на улицы города, отражая искусственный свет всех оттенков, какие только можно себе представить. Солнце только скрылось за домами, и пелена сумрака попыталась вернуть себе былое величие. Именно в такие пограничные моменты, да ещё, пожалуй, ночью Город приобретал поистине мистический облик. Если верить местным сказкам – то свой *истинный* облик.

Однако холодные неоновые огни вывесок и теплый свет витрин и кафешек встали на защиту, возвращая заснеженные улицы во власть света. Отовсюду звучала новогодняя музыка и смех. Люди спешили по своим делам, и толпа была похожа на бурную реку. И хотя все приготовления вроде бы уже завершились, многие ещё хотели успеть закончить то, что не успели за весь год до этого. В воздухе пахло хвоей, имбирными сладостями и мандаринами, в общем – самым настоящим праздником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.